

Борис Штейман
Ночная пуля

Остросюжетные повести и рассказы

Борис Штейман
Ночная пуля. Остросюжетные
повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503057

ISBN 9785448536250

Аннотация

Вербует генерал Нестеров «культового» персонажа анархиста Манюнькина, обитающего в ушах крупных сановников, в сатирической повести «Второй закон». Стремительно развивается детективная интрига на фоне карточных комбинаций в другой повести «Ночная пуля», где «в финале автор дарит читателю неожиданную и эффектную развязку» («СПб ведомости»). Да и в повести «Связной» непредсказуемые сюжетные повороты не дадут заскучать читателю, не говоря уже и о трех небольших рассказах.

Содержание

ВТОРОЙ ЗАКОН	5
Джойс	5
Назначение	12
Мане	20
На «Серпе»	23
Дома	25
Взлеты и падения	28
Роман	34
В забое	45
Полиграф и Прокопич	50
Против лома	54
Схватка	68
МИД	77
Бесаме	81
Приглашение	89
Накануне	91
Подарок ветерана	95
Петля Нестерова	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

**Ночная пуля
Остросюжетные
повести и рассказы**

Борис Штейман

© Борис Штейман, 2018

ISBN 978-5-4485-3625-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВТОРОЙ ЗАКОН

Власть прекрасна...

Джойс

Все, как обычно... Легко бегу по огромному зеленому полю. Мягко пружинит молодая травка. Восторженный рев трибун, оглушительный свист болельщиков. Приветственно поднимаю вверх руки и кричу что есть мочи: «Я – чемпио-о-он!» Кажется, я – победитель Олимпийских игр или чего-то подобного. Впрочем, неважно. Главное – наконец-то, сбылась мечта всей моей жизни! На шее лавровый венок. Приятно покалывает. Настоящий последний герой! Бегу. Ликую... Достигаю незримой черты, пересекаю ее и погружаюсь в иную реальность, в мир снов...

Дребезжит телефонный звонок. Все разрушает. Медленно, но верно. Черт бы их всех побрал!

– Не разбудил? – вежливо интересуется Носопытин. На самом деле ему наплевать, разбудил, не разбудил.

– Да нет... – отвечаю без всякого энтузиазма.

– Есть работенка. Восемнадцатая задача. Сборник для поступающих «Бендриков и другие». – Я молчу, пытаюсь хоть как-то отквитаться за испорченный сон. – Ну, с лебедем, ра-

ком и шукой на обложке, – продолжает он.

– Да знаю я, знаю.

Любит человек все уточнять, что и без того яснее ясного.

– Короче, парашютист, на высоте десять метров от поверхности земли у него отваливается пуговица. На сколько позже приземлится парашютист, чем пуговица? У него постоянная скорость. Вы как?

– Нормально, – соглашаюсь, можно будет выторговать хорошую надбавку.

– О'кей! В шесть в Тушино, – заканчивает Носопытин.

Иду досыпать, но чувствую – не получится. Ложусь. Закрываю глаза. Конек Носопытина – Второй закон Ньютона. «Если удастся доказать, что он действует хотя бы в девяноста пяти случаях из ста, то считаю, что прожил жизнь не зря!» – заявил он как-то в минуту откровения после какого-то очень удачного, с его, конечно, точки зрения, эксперимента. Безусловно, в их «Товариществе любителей подлинного знания» почти все с отклонениями. А с другой стороны, занимаются безобидным делом да еще дают жить другим. Нашли спонсоров. В общем, с ними можно иметь дело. Я, правда, никогда не отказываюсь. Найти другого испытателя проще пареной репы. Любой студент с превеликим удовольствием. Но они предпочитают иметь дело с солидными людьми на постоянной основе. С ними можно и поторговаться. Если докажешь, что проверка связана с повышенным риском, то идут навстречу. Думаю, у них заложен опре-

деленный процент на это дело. Не из своего же кармана платят, в конце концов.

Помнится, проверял задачу за номером... Нет, не помню. Неважно. Там мотоциклист с разгона выезжает на высокий берег рва, и надо было определить минимальную скорость в момент отрыва от берега, чтобы, значит, не грохнуть-ся в этот самый ров. Причем известны и ширина рва, и угол подъема, и высота берега. Задача элементарная. Я все дома просчитал. Да еще изрядно подстраховался. Мало ли что? Береженого, как говорится, бог бережет. В общем-то, конечно, риск был нулевой. И тем не менее удалось выторговать почти стопроцентную надбавку. А вдруг все эти кинематические формулы, которым уже лет сто, а может и все двести, неверны? И недолет! Что тогда? В лучшем случае икупаешься вместе с мотоциклом, а в худшем? Ведь их общество этим и занимается, что подвергает сомнению фундаментальные законы. Поэтому их не так уж и трудно уговорить. В общем, комплекс «Фомы неверующего» может приносить несомненную пользу...

Весеннее ласковое солнышко. Простор летного поля. Требую запасной парашют. Прыгать придется с самолета. Горючее, техника, пилот – деньги немалые, но им все нипочем.

– Махну флажком – срезайте пуговицу, – наставляет меня Носопытин.

Перед прыжком надо собраться, отхожу в сторону и встаю на голову. По системе йогов. Очень помогает. Но поблизости

начинают крутиться вертолетные лопасти. Возникает сильнейший ветер, не удерживаю равновесие и падаю.

Внутри самолета уже сидят две девицы. По виду не наши.

– Это еще зачем? – интересуюсь у Носопытина.

– Туристки... – нехотя объясняет он и крутит пуговицу на моем комбинезоне.

Проверяет, сукин сын... Лучше бы проверил парашют. Из всего норовят цирк устроить!

Прыжок прошел нормально. Единственно, запутался в стропах при приземлении и не успел вовремя отстегнуться. Слегка протатило по земле. К радости Носопытина, пуговица упала намного раньше расчетного времени. Тем не менее, он неохотно отсчитал дополнительные баксы за риск. Можно подумать, свои. Не перестаешь удивляться людской жадности. А может быть, уже к ним привык, кто знает...

Подошли туристки.

– Мы вами лубовалис! – сказала с сильным акцентом менее симпатичная. Вторая в знак солидарности закивала головой. – В нашей стране многие тоже не одобряют Второй закон Ньютон.

– Здесь кинематика, – поправил я ее снисходительно.

– И вообще средства массовой информации. Они много врут. Мое имя Джойс! – Она протянула руку и с неожиданной силой стиснула мои пальцы. – Болно? – довольно спросила и уточнила: – Джойс Максвелл.

«Уж не родственница ли великого физика Джеймса Клер-

ка Максвелла?» – почтительно предположил я.

– Я хорошо жму руку? – поинтересовалась она.

– Хорошо, хорошо... Берт, – представился я и, протянув руку, добавил: – Давай-ка еще разок... Джойс!

На этот раз я не дал застать себя врасплох.

– Силенка есть! – довольно засмеялась Джойс. – Берт, кажется, не русское имя?

– Так получилось... – уклонился я от объяснения.

– Она не говорит по-вашему, но во всем со мной согласна, – пояснила Джойс молчание подруги.

Пошли вместе к метро. Подруга куда-то подевалась по дороге. Дома Джойс быстро разделась и, прихрамывая, прошлась по комнате.

– Видишь, как сильно хромаю? – сказала она, пристально взглянув мне в глаза.

– Вижу, – не стал скрывать я очевидную истину.

– На, надень. – Она протянула мне разноцветный паке-тик. – Надо заботиться о своем здоровье.

«Молодежь... – подумал я с осуждением. – Для них любовь все равно, что тарелку супа съесть...»

– Я пока еще здоров, – возразил я ей.

– И я пока, – отозвалась она. – Береженого бог бережет! Надо стучать по дереву. Ведь так по-русски?

Она забарабанила по деревянной перегородке.

– Вы что, падлы?! Совсем офонарели?! – моментально откликнулся Прокопич. – Мне же в забой. В ночную!

– Извини, старина! Она не в курсе! – крикнул я в стенку. – Человеку в забой, надо потише, – объяснил я ей ситуацию.

– Что такое «в забой»? – спросила Джойс.

– Уголек кайловать.

– А... Я тоже знаю много пословиц, – самодовольно доложила она. – Ты чего стоишь, как на свадьбе?

– Может быть, не получится, – объяснил я свое промедление. – Годы-то уже не те, – добавил, чтобы ей было необидно.

– Может быть... – ответила она, села на постель и подперла горестно рукой щеку.

Мне стало ее жаль, и все получилось.

– Тебе же секс не доставляет удовольствия, – констатировал я. – Зачем тебе это?

– У меня есть дома друг, афро-англичанин. Его зовут Милдред. По-нашему, бой-френд. Он у меня тоже всегда спрашивает, зачем тебе это надо, Джойс? – Она тихонько засмеялась.

«Милдред же типично женское имя? – засомневался я. – Вдобавок еще и негр... М-да, неприятно... Но я же не расист какой-нибудь... Надо повторить три раза, чтобы закрепилось в подсознании». Повторил и почувствовал себя абсолютно свободным от расовых предрассудков.

– Ты герой! – сказала Джойс. – Поэтому сочла за честь с тобой переспать, хоть это мне все... – задумалась. – Как правильно: до ноги или до фонаря?

– И так хорошо и так. – Она явно стремилась к углублен-

ному изучению языка.

В коридоре послышались шаги и стук резинового наколенника палки ветерана.

– Подлец! – крикнул он сипло. – Развалил! Все развалил! Подлец!

– Кто это? – испуганно поинтересовалась Джойс. – Начальник?

– Берданкин, ветеран... – объяснил я. – Недоволен президентом.

– У нас тоже каждый может ругать премьер-министра, – сказала она. – А королеву нельзя.

– У нас теперь тоже. Мы этим гордимся. У нас демократия. Мы – свободная страна, как и вы. Конечно, жаль, что королеву нельзя. Но, с другой стороны, на нет и суда нет.

Назначение

Я подошел к зеркалу, подтянул живот и напряжинил мышцы. В длинных сатиновых черных трусах до колен и подхваченных резиновыми подвязками коричневых в ромбике носках я выглядел достаточно импозантно.

– И что ты такого во мне обнаружила? – самодовольно поинтересовался у Джойс.

– Обнаружила? – Она недоуменно сморщила лобик. – А-а... Поняла. Я тебя лублу!

– За что? – продолжал кокетничать я, распушив перья и кудахтая.

Подумав, она печально объяснила:

– Ты – рыцарь!

– Что верно, то верно, – подтвердил я, задерживать воздух уже было неважно, грудная клетка с шумом опала, живот с благодарностью принял естественную форму.

– Толстый рыцарь... – самокритично признал я. – Толстый уютный старый рыцарь.

Она обняла меня сзади и прошептала:

– Красивый...

Идиллию прервал телефонный звонок.

– Да... есть! Немедленно! – чеканил я в трубку. Медленно с достоинством повесил ее обратно.

– Все! Кончились каникулы. Снова в строй! – обрисовал

кратко ситуацию. – Больше ничего сказать не могу. Не имею права. Ты как-никак с чужого поля ягода. Извини!

– Не отпущу! – заплакала она и еще крепче меня обхватила.

Я попытался высвободиться, но с первой попытки это сделать не удалось. Девчонка была тренированной. Кажется, это у нее серьезно. Самолюбие, конечно, тешит, но могут быть неприятности... И немалые. Через десять минут подадут машину...

– Я тебя тоже лублу! – как можно нежнее произнес я.

Оковы пали. Ласково поцеловал ее в лоб.

– Понадобился – вызвали! – важно и многозначительно сказал я. – Ничего не поделаешь, надо одеваться.

Открыл светлого дерева, фанерованный платяной шкаф. Скрипнули дверки. Достал китель, галифе, сапоги. Блеснули орденские планки. Внизу засигналила машина. Высунулся в окно. Прислали «ЗИМ». Неплохой признак. Ожидания, надежды засуетились в голове.

– Захлопнешь дверь, – бросил на прощание подружке.

Звонко зацокал каблуками по кафельному полу лестничной площадки. Свет слабо пробивался сквозь пыльные оконные витражи. Щеки приятно пощипывал огуречный лосьон. Настроение было, ну, просто превосходным. «А ведь я к ней умудрился привязаться...» – подумал не без меланхолии про Джойс.

Шофер вытянулся по стойке смирно, отдал честь и открыл

дверцу. «Понадобился – вот и вызвали», – повторил я про себя самодовольно.

Взбежал по широким каменным ступеням. Легко поддалась тяжелая темная дубовая с начищенными до блеска латунными ручками двустворчатая дверь.

– Ну здравствуй, здравствуй! Проходи, проходи! – Сергей Иванович крепко стиснул мне руку. – Что? Есть еще силенка у старика? – поинтересовался довольно.

– Чуть пальцы не сломал! – затряс я нарочито рукой.

Повадились, паразиты! Ну ладно, баба дурака валяет... А этот? Воспитаннице, ничего не скажешь!

– То-то, брат! Ну да к делу. Генерала дать не могу. Только полковника. Соглашайся и не думай!

– Почему генерала не можете? – нахмурился я.

– Будто сам не знаешь? Связь с иностранной гражданкой – раз! Это, голубочек, не шутка. Перерыв в службе – два! Мало? Сам виноват! Раньше надо было думать. Ну-ну, не грусти. Мы ее проверим и тогда, если конечно все чисто, будешь генералом. Будешь! Как она вообще-то?

– Не очень... – честно признал я.

– То-то! – довольно загоготал Сергей Иванович. – Всегда говорил, лучше русских баб никого нет! – неожиданно надолго задумался. – Нет, вру, пожалуй. Была у меня одна, полька. Еще во время первой мировой. Думал, живым не оставит. Ха-ха! Ну все. Все! Иди, иди... – снова задумался. – Иди с Богом! Теперь так можно. И... нужно!

Подтолкнул в спину. Я оказался в коридоре на толстой ковровой дорожке. «Может, послать их всех на три буквы... или еще куда? Генерала не дали? Не дали! Хотя имею полное право. Возраст-то совершенно генеральский. Ладно, нечего горячиться. Поживем – увидим. А это всегда успеется». Мимо сновали офицеры. «Ни одной знакомой рожи... – подумалось с грустью. – Эх время, времечко! Неумолимо идет себе и идет...» Подбежал молоденький лейтенант:

– Виноват, товарищ полковник! Срочно к генералу!

«Что за черт?! Я ж только от него. Может, передумал и решил все же дать генерала?» – затеплилась слабая надежда. Возвращаюсь. От прежнего приветливого добродушия ни следа.

– Слушай, дружок! Взглянул я в твое личное дело. Это что ж у тебя за имя такое? – Сергей Иванович порылся в бумагах, водрузил на нос очки, старательно выговаривая, прочел: – Бертольд!

– Обычное. Сокращенно – Берт, – ответил я.

– Сокращенно Берт – это лучше, – немного успокоился Сергей Иванович. – Почему это я раньше не обращал внимания? Все Берка да Берка! Опять кадры напортачили? – придирчиво осмотрел мою фигуру, перетянутую многочисленными ремнями, и пытливо заглянул в мои прозрачной голубизны глаза: – А ты, часом, не еврей? – поинтересовался ласково. – Не по анкете, а так, по жизни?

– Нет, товарищ генерал! Я – не еврей! – твердо отчеканил

я, пригладил редеющие прямые льняные волосы и, как бы ненароком, дотронулся до своего курносого носа. Хотя на самом деле... Впрочем, национальность – это в чистом виде одно самочувствие и больше ничего. В основном... Во всяком случае, так мне казалось в этот момент. – Отец из рязанской области, крестьянин, мать со Ставрополя, крестьянка, всю жизнь батрачила на отца.

– И добатрачилась! Я сам со Ставрополя... или с Сибири? – вопросительно уставился на меня Сергей Иванович. – Неважно. И тоже батрачил на отца. Ладно, ступай! Если что, пеняй на себя. Хотя сейчас ты можешь быть в кадрах хоть кто! Хоть Бертольд! Официально, конечно. Но многие этого не понимают. Вот я, например, этого не понимаю. Ведь армия все же русская? Или я ошибаюсь?

– Ладно, пойду работать, – хмуро закончил я, нарушая субординацию.

Подобные разговоры я не одобряю, так как являюсь подлинным интернационалистом, возможно из-за своего имени. При выходе из приемной поинтересовался у адъютанта:

– Как у Сергей Иваныча дела с Манюскиными?

– Вроде бы все нормально... последнее время, – ответил тот и добавил: – Возьмите, товарищ полковник, папочку. Сергей Иваныч просил проработать.

Кабинет был неплохой. Большой. Сейф, стулья, кресло на колесиках, на стене часы и карта военных действий. «Крымская компания», – установил я без труда. Давало

знать блестящее военное образование. Стол был удобный – широкий и много ящиков. Это я очень ценю. Раскрыл сафьяновую папку. Прочел: «Манюскины». Справа вверху гриф: «Сов. секретно». Теперь это называется: «Вроде бы все нормально...» Стал читать.

1. Заселение. Точная дата появления Манюскиных в ушах Сергей Ивановича не установлена.

2. Род занятий. Мелкое кузнечное дело (поделки). Занимается глава семьи.

3. Состав семьи. Сам, его супруга, двое (?) детей, старший – Санька, Манюскинская бабка.

4. Первое обращение Сергей Ивановича к врачу 27.04.

5. Окружение (друзья-приятели). Епиход (из той же деревни, земляк), Глобовы (из тех же краев, земляки).

6. Особые данные. Глава семьи отсидел за хулиганство. В перестроечный период баллотировался в нардепы. Не прошел.

7. Особые сведения, собранные агентом по месту прежнего проживания в виде отчета по командировке:

«Местные жители сообщают, что в деревне с Манюскиными связываться боялись. Звали их „маленькими“, а не по фамилии. Типа, вон, маленькие куда-то пошли, верно, за грибами. Завидовали. Манюскины знали места. И возвращались всегда полностью груженными. Также касательно ягод и орехов. Дружбу Манюскины водили только с Епишками. Потому как доводились им дальней родней.

Прапрадед Манюськина и прапрадед Епишки вместе барабанили еще в Крымскую. Оттуда привезли себе маленьких чернявых баб. Настоящих лохмудеек. То ли гречанок, то ли турчанок. Те ни бельмеса не понимали по-нашему. И были вроде как сестры. А может, и нет. Короче, так народ говорит. А что на самом деле было – неизвестно. Хотя некоторая схожесть между Манюськиными и Епишками все же имеется. Быстрые, маленькие и слегка психованные».

Далее прилагались командировочное предписание и проездные билеты. В графе «Спецрасходы» были аккуратно подклеены водочные этикетки. Видимо, агент пытался выбить из бухгалтерии дополнительную оплату. Завершала отчет подпись агента: Мемучо.

Определенные стилистические особенности отчета и известная нарочитость в виде водочных этикеток указывали на то, что агент Мемучо – человек опытный. Причем весьма осторожный, не доверяющий до конца даже своему родному ведомству.

В п. 8 указывалось, что имеется еще приложение на 22 стр. Не успел приступить к приложению, как звонок.
– Срочно к генералу! – услышал знакомый голос адъютанта.

Положил папку в сейф и отправился к Сергею Ивановичу.
– Тебя переводят во внешнюю разведку, – сухо оповестил он. – Манюськиными заинтересовались на самом верху, – ткнул пальцем в потолок. – Да, кстати. Ты теперь генерал.

Почти как я. Вот видишь, я свое слово держу. Ну, ладно, не забывай старика!

Троекратно поцеловал меня.

– По русскому обычаю, – объяснил он на всякий случай.

– Да я знаю этот обычай хорошо.

Видимо, сомнения не покидали старика Иваныча.

– Кстати, ты все же не еврей? – снова подозрительно поинтересовался он. Я уже готов был признаться, но Сергей Иванович продолжил: – Да-да, ты говорил, что нет... – задумался. – А жаль. Ей-богу, жаль!

Неожиданно он сильно подтолкнул меня в спину, и я, зацепившись за ковер, чуть не упал.

– Старый дурак! – вдруг прорвало меня.

– Что? – не понял Сергей Иванович.

– Ничего!

Я хлопнул дверью, потому что был теперь тоже генералом. Значит весь сыр-бор из-за того, что Манюськины допекли. Даже звание быстренько присвоили.

Мане

Любая работа с предполагаемым агентом начинается с присвоения ему агентурного имени, которое в профессиональной среде называется кличкой. Хотя я предпочитаю первое. Здесь надо не промахнуться. От того, насколько точно выбрано агентурное имя, – а это в определенном смысле второе рождение, – зависит и вся дальнейшая судьба агента. В этом есть необъяснимое, иррациональное, мистическое, но это так. Причем по новому имени, с одной стороны, ни в коем случае нельзя догадаться, о ком идет речь, с другой – оно должно стопроцентно выражать цель работы и предназначение будущего агента. Тут думать долго не пришлось – выбора практически не было, – и я присвоил Манюскину имя «Мане». Будущее показало безупречность такого решения. С Глобовыми было проще. Глобовы – они и есть Глобовы. И должны будут фигурировать под своей фамилией.

Манюшкин хамил и на вербовку не шел. Просидев месяц в карцере, все же согласился. Но заломил невозможную цену:

- Пять тыщ в месяц. А на обед обязательно щи и котлеты!
- Пять – это каковских? – поинтересовался я.
- Ну не деревянных же! Зеленых, товарищ генерал. Самые что ни на есть зеленых. Мне семью содержать надо? Надо! И, естественно, чтоб на папиросы оставалось. – Он под-

мигнул и довольно захохотал. Мол, уж мы, мужики, друг друга с полуслова пойдем.

– В карцер! Увести! – только и оставалось приказать мне конвою.

Отсидел еще месяц. Сергей Иванович позванивает. Наверху, мол, ненавязчиво интересуются, как дело идет. Тут, конечно, главное – выдержка. Наконец сошлись на трех в месяц плюс мясные щи и компот, но без котлет.

– Тебя забросят в Швецию, – стал растолковывать я задание Манюськину. – Освоишься и станешь резидентом.

– Это понятно, – среагировал Мане. – Нужны пароль, явки, связи.

– Молодец! – похвалил я его за инициативу. – Все на месте. Глобовы уже там.

– Уже там? Ну дают! Здорово! Будем вместе рыбачить. Да, а мой-то как?

– Выедут попозже, – туманно пообещал я.

– Ну и хрен с ними, пушай попозже. Хоть отдохну от них малость. Пусть не торопятся! – Это была совершенно незапланированная реакция. В деле было указано, что он – примерный семьянин. И то, что семья оставалась на Родине, страховало от неожиданностей... С разных сторон.

Вдруг зазвонил телефон. Как будто с того света донесся голос Носопытина:

– Послушайте! Куда вы пропали? Еле вас нашел! Есть работенка. Возникли сомнения в правильности решения квад-

ратных уравнений через дискриминант.

– Я теперь генерал, – важно сообщил я. Мол, если не дурак, то должен понять, что мне сейчас не до их глупостей.

– Я тоже. – Видимо, он воспринял это как шутку. – Дело нехитрое. Может быть, вам уже и деньги не нужны?

– Почему не нужны? – искренне удивился я, не обращая внимания на некоторую ехидность подобного вопроса. Мне может провалиться, меня попрут из генералов... А здесь какой-никакой, а надежный заработок. – Ладно, диктуйте.

Аккуратно записал условие.

– Какой завод? – уточнил я напоследок.

– «Серп и молот», – ответил Носопытин. – Адрес запишите?

– Не надо. Знаю я это учреждение.

Повесил трубку.

– Поедешь со мной на «Серп и молот», – сказал я Манюськину.

– Понял! – мгновенно откликнулся тот.

Мне такая готовность понравилась. И я подумал, что Мне – мужик ничего, работать будет как надо.

– Будем проверять формулу решения квадратных уравнений.

– Бузня! Чего ее проверять-то? Наверняка не сойдется.

Из Манюськина явно мог бы получиться классный испытатель.

На «Серпе»

На заводе было жарко. Особенно в прокатном. Искры, горячий металл. Хорошо, что нам было не туда. Еле отыскивали каморку, где делают гайки.

Манюськин оказался умелым парнем. Быстро включил станок и два часа работал один. Настрогал целую кучу. Я, по условию задачи, в это время чинил второй станок. Потом стали работать вместе и еще кучу наделали. Во время работы заглянул какой-то работяга, стал искать стакан, все перерыл, но не нашел. Отвлечь нас не сумел и ушел. Закончив работу, мы с Манюськиным перекурили, и я стал проверять формулу. Гаек оказалось на две меньше. Мане, отвернувшись, равнодушно барабанил гаечным ключом по станку. «Нервничает... – профессионально отметил я. – Неужели успел уже заныкать две гайки? Проверять карманы?» Манюськин как будто услышал мои сомнения и безразлично вывернул карманы. «Не сошлось – значит, не сошлось. А с Мане мне еще работать. Причем возможны внештатные ситуации... Да и оскорблять недоверием своего будущего сотрудника я не имею права».

– Ну что я говорил? И проверять ничего не надо было. Слушали бы умных людей – сэкономили бы время, – довольно констатировал Манюськин.

Он отыскиал среди хлама брезентовый мешочек и аккурат-

но сложил туда гайки.

– Пригодятся... – туманно сообщил он. – Сейчас на все есть спрос и, соответственно, цена. Рынок есть рынок! Не то, что раньше.

– Тебя возьмут на проходной, – предостерег его я.

– Меня? На проходной? – развеселился Манюьский. – Мало каши ели!

Он догнал меня уже на улице.

– Что я – дурак, через проходную переться? – коротко разъяснил он.

«Пожалуй, выбор неплохой... – решил я. – Из него может получиться неплохой резидент... разумеется, со временем».

Манюьский снова исчез, бросив на ходу:

– Встретимся у дома!

«С ним будет трудно, – загрустил я. – Проявляет ненужную инициативу, плохо управляем и склонен к анархии». Сел в трамвай. Признаться, этот старинный вид транспорта я предпочитаю всем остальным. Во-первых, рельсы – надежно, во-вторых, электричество – экологично.

Дома

Мане действительно встретил меня у дома. Он был в камуфляжной форме с сержантскими лычками на погонах. Из всех карманов торчали четвертинки, которые в народе ласково зовут маленькими.

– Я вам так скажу, товарищ генерал! – То, что он не фамильярничал, несмотря на совместный труд по проверке квадратных уравнений, мне понравилось. – Мы с вами работали? Работали! – Я понял, что одну или две маленьких он уже успел принять. – А русский человек после работы должен? Или не должен? – Он посмотрел на меня выжидающе.

Манера Сергей Иваныча? Или совпадение? Ничем не выказав своих сомнений, я спокойно согласился, что должен. Да и самому необходимо было разрядиться.

Дома оказалась Джойс. Это был сюрприз. Она была в сарафане и кокошнике.

– Я решила быть ближе к тебе, – сказала она ласково. – Хочу быть как вы! Сходила с утра в церковь, потом прибрала в доме, а сейчас поставила самовар. Скоро закипит.

– Умная баба! – восхищенно признал Манюськин. – Моя не такая. Видимо, не русская?

– Познакомься, Джойс. – Пришлось его представить: – Господин Манюськин!

– Не господин, а просто Манюськин! – обиделся Мане. –

Что еще за церемонии? А мы тут принесли. – Он неотразимо улыбнулся и выставил четвертинки на стол.

– Я сейчас! – засуетилась Джайс и помчалась на кухню.

– Золотой человек! – вздохнул Манюськин. – Моя хуже соображает.

Я стал специальной щеточкой чистить мундир, который слегка запачкался во время заводских испытаний. Джайс быстро накрыла на стол.

– За прекрасных дам! – галантно произнес тост Манюськин.

Джайс слегка порозовела от удовольствия. Выпили.

– Интересно, нет ли у нее какой подружки, товарищ генерал? – поинтересовался Манюськин и неожиданно сильно, пьяно заорал: – Симона-а! Симона-а! Девушка моей мечты!

– Он знает Симону? – удивилась Джайс.

– Он знает не только Симону, – уклонился я от ответа.

– Вам, товарищ генерал, известно, что я майор? – вдруг совершенно трезво спросил меня Манюськин.

Мне это не было известно, и я промолчал.

– Я тогда Сергей Иванычу поставил ультиматум: или я майор и ухожу к Иван Иванычу, или остаюсь у него на вечные времена! Сергей Иваныч сначала ни в какую, ты не имеешь права! Майор только после капитана! А ты вообще никто! Горячился, орал. Ну вы же знаете Сергей Иваныча. А, говорю, после капитана, тогда гуд бай! Быстро согласился. Так что я теперь майор. Это я так, к сведению. А что, в лич-

ном деле про это ничего? – Он с хитроватым прищуром посмотрел мне в глаза.

– В личном деле сказано, что вы должны после заключения контракта перейти все к Иван Ивановичу, – сказал я.

– Ну, змей! Скрыл присвоение звания. И это русский офицер?! Надо будет предупредить своих, чтоб, пока я в командировке, от Сергей Ивановича ни ногой. Ничего, еще в ногах валяться будет, умолять. Полковника предлагать, а я еще, ой как, подумаю! – угрожающе пообещал Манюшкин.

Таким поворотом дела я был более чем доволен.

Взлеты и падения

Погожим летним днем из Санкт-Петербурга к берегам Швеции отплыл суперлайнер «Генералиссимус Суворов», на борту которого среди прочих туристов находился и Манюськин. «Отдых и комфорт! – заученно, как попугай, повторял он надпись на транспаранте, развевающимся на верхней палубе. – Мы познакомим вас, господа, с истинными красотами Скандинавии!» Манюськин расположился в шезлонге на верхней палубе, покуривая сигару, и напряженно вглядывался в курсирующих мимо девиц, пытаясь отделить профессионалов от любителей. Это ему не удавалось, и он слегка нервничал. Когда показался берег, Манюськин спустился в трюм и открыл несколько задраек. Хлынула вода. «Уж я вас, господа, познакомлю, так познакомлю! Вы у меня сейчас увидите истинные красоты! На всю жизнь запомните! Ишь, паразиты! Наворовали народные деньги, разграбили Родину и шикуют, гады!» Вскоре гады резво прыгали в холодную воду, ибо до берега было уже рукой подать.

Глобовы начали с мелкой торговли подержанными вещами. Посылали на родину «секонд-хенд». И вскоре открыли вместе с Манюськиным импортно-экспортную торговую фирму и двухэтажный магазин, который был отличным прикрытием. Дела пошли прекрасно. Манюськин же сделал дерзкий ход – поселился в том же доме, где жил недавно про-

валившийся с треском резидент. Случилось, правда, одно незапланированное событие. В Стокгольме уже ближе к вечеру он встретил Епишку, который в то время работал кочегаром и отстал от своей посуды. По халатности. Увязался за какой-то приглянувшейся юбкой и перестал замечать часы.

Манюськин сначала твердо решил не подходить к дружку, памятуя строжайшие наставления, которые ему вдалбливали не один день в разведшколе. Но в последний момент не выдержал и окликнул земляка. Тот долго тер глаза, не веря, что перед ним Манюськин.

– Ты чего здесь, земля? – поинтересовался осторожно Епишка.

– Работаю, – уклончиво ответил Манюськин, но потом не удержался и все рассказал.

– Слушай, а мне никак нельзя подсуетиться? – попросил Епишка. – Ты же знаешь, я работы не боюсь!

– Да я-то знаю, – задумался Манюськин. Ему хотелось помочь другу и показать, каким влиятельным человеком он стал, но и нарушать секретную инструкцию тоже не было никакой возможности. – Ладно, пошли в кабак! Дернем пивка, а там авось что-нибудь и примозгуем.

После десятой кружки пиво, наконец, просветляюще подействовало на Манюськина, и он предложил:

– Эх, была не была! Семь бед – один ответ! Ну как можно своим-то не помогать? Слушай, ты вот что! Сходишь

в Москве к одному генералу, он мужик нормальный, похлопочет. А заодно передашь ему от меня ценную информацию.

– Не сомневайся, Манюша! – растроганно обнял друга Епиход. – Не подведу!

Только благодаря неожиданному визиту Епихода, я узнал о вопиющем нарушении конспирации. На Мане было наложено взыскание, а Епишку после необходимого обучения пришлось использовать в качестве связного и присвоить ему агентурное имя «Ходики». Провалился же Манюськин по чистой случайности, которая была очень ловко подстроена. И вовсе не из-за Епишки. Тот, наоборот, спас его от полного провала.

Джойс же становилась все лучше и лучше... ну в плане, как бы это поточнее выразиться... в общем, в плане лубви. В ней обнаружился прямо-таки фантастический темперамент, что вскоре, признаться, стало меня несколько тяготить. Но и принесло определенные плоды.

Однажды она сделала признание.

– Не могу больше от тебя скрывать, – последовала долгая мучительная пауза, гримаса боли исказила ее лицо. – Эх, ма! – Она махнула рукой, выпила залпом стакан водки и сказала: – Знаю, ты меня бросишь после этого. Но молчать – выше моих сил! Меня к тебе подослали.

– Знаю, – ответил я, как можно спокойнее, а сам подумал: "Уж больно быстро, милая, у тебя пропал акцент!"

– Как знаешь?! – вскричала изумленно Джойс. – Ты не по-

нял! Меня к тебе подослали! Я должна обо всем докладывать туда... и туда! – Она указала пальцем сначала на окно, а потом – на потолок. – Но я ничего им про тебя не сообщала. Не думай! Ничего! – Она заплакала.

– Верю, – подтвердил я, и это было чистой правдой.

Конечно, было немного жаль, что она ничего не передавала из той дезы, которую я ей подсовывал, ну да ничего, этот вариант тоже был мной просчитан. Я обнял ее и поцеловал.

– Меня заставили... – произнесла она, всхлипывая и понемногу успокаиваясь. – Ты мне веришь?

– Нет, – ответил я, потому что знал ее энтузиазм во всем.

– Я почувствовала себя с тобой настоящей бабой. Со мной раньше такого никогда не было. Я тебя люблю! Поэтому ничего не передавала.

Разумеется, это льстило моему мужскому самолюбию, но для дела было бы лучше – наоборот. И я довольно прикрыл глаза: «Не ты первая, милая, не ты последняя... Ну, Сергей Иванович, ну, хренов проверяльщик!»

Джойс будто слышала мои размышления – пронизательная все же девица, не зря ее вербуют со всех сторон, – и тихо произнесла:

– Сергей Ивановичу купили холодильник...

– Генерал?! За холодильник?! – вскричал я с неподдельным гневом.

– Это не простой холодильник. Это очень дорогой холодильник-дом! С компьютерным управлением на расстоянии.

У Сергей Ивановича стали портиться стратегические консервы...

Позор! Даже стратегические резервы не пощадил. Казнокрад, его мать! Видимо, совсем крыша поехала в связи с инфляцией... Стоп! А может, все это специально? Чтобы не только навсегда избавиться от Манюськиных, при этом подставив меня под удар, но и... Для этого и двойная вербовка Джойс? Ведь Мане мог прознать, что с майором все это чистейшая липа... С другой стороны, вряд ли Сергей Иванович мог предположить, что Джойс во всем мне откроется... Но, как показало ближайшее будущее, Сергей Иванович оказался более коварен, чем я мог предположить.

Вскоре Джойс неожиданно вызвали в Стокгольм ее прежние хозяева для дополнительного инструктажа. Пришлось ехать. И вот там-то будто бы совершенно случайно ее встретил Манюськин. Тонко сыграл Сергей Иванович, тонко. Надо это признать. Джойс, молодец, и вида не подала, что его узнала. За ней велось тщательное наблюдение. А вот Мане не смог скрыть чувств. Бросился к ней, раскрыв объятия, стал ее тискать и... провалился в канализационный колодец.

Здесь произошло определенное совпадение физического и профессионального провалов. Конечно, с колодцем это был мой контрход. По моему прямому указанию Епишка открыл канализационный люк и тем самым спас резидента от полного провала. Ходики вывел Мане по канализации к порту, где их вместе с гуманитарными консервами скрытно

загрузили на корабль. Тот отдал швартовы и был таков. Взяли одних Глобовых. Это была вынужденная жертва. Но власти просчитались. Был суд. Глобовы наняли первоклассных адвокатов и умудрились так всех запутать, что чуть было не отсудили кругленькую сумму за нанесение морального ущерба. Европа есть Европа. Тут уж ни убавить, ни прибавить. Короче говоря, доказать ничего не смогли и лишь выслали их из страны, правда, заморозив все их счета.

С Мане в контракте было оговорено, что в случае провала по его вине он получает только половину гонорара. Манюськин долго не соглашался, препирался до последнего, но аргумент против него был железный. Бросился к Джойс, нарушив строжайший запрет на контакты? Бросился!

– Джойка же своя! – упорно долдонил Манюськин. – Ну вы же знаете!

– Тебя подставил Сергей Иваныч, – решил открыть я ему карты.

– Ах, собака! – чуть не захлебнулся Мане в порыве законного негодования. – Сначала с майором обул, а теперь еще и с баксами прокрутил! Ну, я ему, паразиту, сделаю! Уж будьте уверены!

В этом я не сомневался. Манюськин получил в кассе половину положенных денег и, оскорбленный, удалился.

Роман

Во время пребывания Манюскина в командировке произошло совершенно непредвиденное. Я увлекся его женой. И это, прямо надо признать, было нехорошо. С морально-этической точки зрения. Супруг рискует жизнью, выполняя ответственное задание, а я соблазняю его половину. Нехорошо. С другой стороны, я – начальник? Начальник! И не просто, а генерал! Значит, имею право. Зря, что ли, столько горбатился, чтобы достичь такого завидного положения.

Правда, пока между нами ничего не было. Она очень добродетельна. Даже слишком! Потом – жилищные условия. В ухе Сергей Иваныча я чувствую себя некомфортно. А если начистоту, то мне с моей комплекцией там попросту тесновато. Вдобавок Манюскинская бабка все время крутится под ногами. Да сын Санька, хитрющий пацан, может запросто настучать папане. Дочурка иногда так заскулит, что хоть в петлю! Мне кажется, я ей тоже небезразличен. Естественно, не дочери, а Манюскиной. Один раз уже целовались. Это было упоительно! Боюсь, что Санька все видел. Придется его как-нибудь задобрить. Компрометация не в моих правилах. Она миниатюрна, лукава и очень хороша, хотя ей по всему за тридцать... а может и за тридцать пять. Думаю, что так. Никогда не доводилось в чужих ушах любить дам. Никогда!

Экзотично, очень! Да и уши не чьи-нибудь там, а самого Сергей Ивановича. Мне кажется, это не в малой степени подогревает мое чувство. Мое...

Минуточку! Так-так-так, появилось... А то уплывет! Я сижу внутри. Снаружи железо. Вглядываюсь сквозь узкую щель. Ловлю цель в прорезь прицела. Передвигаю рычаги. Снова прячусь в нору. Высовываю свой чувствительный носик, который щекочут соблазнительные запахи пищи и этот особый, сводящий с ума. Забываю про все, про подстерегающие со всех сторон опасности, когда чувствую его. Это ты! Я знаю точно! Я вижу твою славную мордашку. Твои глазенки, застыв, вперились в мои. Кажется, сейчас это произойдет. Я буду ты! А ты будешь я! Мы... Мы пойдем, чувствуя локоть соседа. Вбивая пыль. Наши сандалии крепки, крепки их сыромятные ремешки. Мы вскидываем руки, как один! Мы упоены. Впереди только победа! Мы будем на вершине! Они...

Им этого не понять. Они наверху. Дряхлые. Они могут выключить горячую воду. И нам, потным, не помыться. Они повысят цену на крупу и туалетную бумагу. Их невозможно понять. Я вижу их стриженные крутые затылки... А он?..

Тьфу, черт! Опять что-то привиделось. Видимо, переработался. Он выполняет ответственное поручение. Ох уж эти угрызения совести! Приглашу-ка я ее в свой кабинет. Она не сможет устоять. Ковры, массивная кожаная мебель, портреты вождей! Все это наводит трепет и на бывалых людей.

Но не на эту хулиганку Манюськину! Ее этим не возьмешь... А дома караулит Симона. Просто заколдованный круг...

От Джойс изредка приходили коротенькие записочки довольно странного содержания: «Дал слово – держи! Пока хватит сил!», «Утро вечера мудренее. Насколько?», «Старый конь борозды не портит, но и лучше не сделает». И последняя: «Гусь свинье не товарищ, а кто?» Это я уже отнес на свой счет и сделал вывод, что ее тщательно проверяют, и не ошибся.

Свято место пусто не бывает. Неожиданно появилась Симона. То, что она ничего не понимала по-нашему, было совершенным притворством. Впрочем, на это я не стал обращать ни малейшего внимания. В любви она была жестока и изобретательна. Полагаю, что она прошла специальную подготовку в одном из западных центров. Она любила ходить по комнате в высоких сапогах, недвусмысленно поигрывая хлыстом и наручниками. Часто надевала мой мундир на голое тело и еще водружала, распустив волосы, на голову фуражку, это ее сильно заводило. Ко всему прочему она обладала недюжинной физической силой. Меня выручала только моя служба в морской пехоте в молодые годы. Несколько раз я пытался выставить ее за дверь, но ничего не получалось.

Она начинала плакать и жаловаться на свою горькую судьбу, что у нее никого нет, только я один в этом чужом противном городе. Она сильно поиздержалась, денег на гостиницу нет, вся надежда была на Джойс. Быть проституткой

она не хочет из-за родителей. Те не переживут, если узнают. И так далее. Короче, умоляла не губить ее молодость. В общем, заколдованный круг!

И мне в голову пришла мысль, а что если пригласить Манюськину на испытание?.. Мысль, ей богу, гениальная. Носопытин давно просил проверить сто вторую задачу. Открываю Бендрикова энд К. При быстром торможении поезд, имевший скорость V , начал двигаться «юзом» (заторможенные колеса, не вращаясь, начали скользить по рельсам). Какой участок пути пройдет поезд с начала торможения до полной остановки, если известен коэффициент трения колес о рельсы? Решено! Едем с Манюськиной в Швейцарию, прекрасный климат и все условия для проведения испытаний.

Несется поезд по рельсам. Мелькают за окном ухоженные альпийские луга. Идет бесстрашно Манюськина навстречу составу. Дергает изо всех сил за ручку машинист в наглаженной железнодорожной форме. Гудит тревожно паровоз, перестают крутиться колеса. Летит с полок хрусталь. Падают немногочисленные пассажиры с мягких удобных диванчиков, набивая синяки да шишки. Надо, надо встряхнуть благополучных, сытых швейцарцев. Аварийное торможение! В метре от Манюськиной застывает паровоз. Все точно, как в аптеке! Второй закон! Не подвел великий Ньютон! Расстроится Носопытин...

– Мадам, генедиге фрау, синьорита, черт побери! – рас-
терянно причитает машинист. – Так никак нельзя! Это злое
нарушение!

– Да какая я тебе синьорита? Двое у меня. Почитай, стар-
шего почти на ноги уже поставила. А он: «Синьорита!» – ко-
рит Манюськина машиниста, а сама довольна, что еще за де-
вочку принимают.

– Пардон... Извиняйте... – бормочет сконфуженный ма-
шинист. – Но здесь ходить не позволят, ни-ни!

«Не та ментальность у ихнего народа, не та... – конста-
тирует Манюськина. – Обложил бы матюшком и отлегло бы
сразу». А у самой слезы на глазах. Напереживалась все ж та-
ки бедняжка. Вдруг не успел бы машинист вовремя ударить
по тормозам и проехал бы паровоз еще пару метров... Нет,
лучше и не думать...

Бежим, держась за руки, в гостиницу. Манюськина всхли-
пывает, говорит, что страшно перенервничала. Прижима-
ется. Чувствую волнение и ответственность за это хрупкое
и такое незащитное существо. Сердце заполняется нежно-
стью. В порыве откровенности она рассказывает про измены
Манюськина. Поднимаемся в апартаменты. Никак не могу
попасть ключом в замочную скважину. Дрожат от волнения
руки. Наконец удастся открыть дверь. В номере отвечаю ей
тем же. Сообщаю про жестокость Симоны. Манюськина воз-
буждена. Ее рот полуоткрыт. Видны мелкие ровные острые
зубы грызуна, влажный трепет языка. «Я хочу...» – вырыва-

ется стон. «Наконец-то!» – ликую я. Подхватываю ее на руки и несу в спальню. По дороге цепляюсь ногой за край ковра и падаю вместе с драгоценной ношей, слава богу, удачно, на небольшой диванчик. «Меня ни для кого нет!» – успеваю крикнуть в спутниковый телефон, срывая с нее и с себя одежды. «Ни для кого...» – несется из телефона ответное эхо...

Вторую неделю мы с Манюськиной в Вене на конспиративной квартире. Из дома выходим редко, стараемся не привлекать к себе ненужного внимания. В Женеве заметили слежку и с соблюдением всех правил конспирации перебрались в Вену. Я – самолетом, она – поездом, вторым классом. Здесь спокойнее. На карту поставлено слишком многое: моя карьера и ее семейная жизнь. Дети оставлены с бабушкой, не говоря уже о том, что сам Манюськин в это время рискует жизнью в Стокгольме.

Утро мы начинаем с шампанского и устриц, которых приносят нам из ресторана неподалеку, на углу. После завтрака бесконечные, сводящие с ума поцелуи. Около часа... примерно. Потом изнуряющие ласки... примерно столько же времени. И только затем сексуальные наслаждения. Манюськина оказалась совершенно неискушена. Несмотря на довольно продолжительную супружескую жизнь. И это еще сильнее подогревает нашу любовь! Этот кот Манюськин, как оказалось, обладает совершенно низкой квалификацией в этом важном вопросе. Манюськина расцвела и... немно-

го выросла. Это меня, признаться, слегка пугает. Конечно, непорядочно думать об этом. Но жизнь есть жизнь, и все-му рано или поздно приходит конец. Зачем заниматься самообманом? И она просто не поместится потом... ну... когда все кончится, в ушах Сергей Иваныча. Разумеется, подло об этом думать в минуты страсти...

Я сильно похудел, и это неплохо, но у меня появилась слабость в ногах. И это меня немного беспокоит. Несколько раз, чуть приоткрыв плотно задернутые шторы, я замечал на противоположной стороне улицы Симону. А один раз даже, кажется, мелькнула знакомая фигура Носопытина. Неужели он притащился в такую даль, чтобы лично проследить за испытанием? Или же он тоже в обойме, разведчик хренов? В общем, наша отчаянная поездка стала своего рода лакмусовой бумажкой. Не могу даже в такое время не думать о работе.

Манюськина любит ходить босиком. Она великолепно сложена, у нее потрясающе красивые волосы и грудь. И это при двух выкормленных детях. Невероятно! А, прощай, зад! Это вообще нечто! Конечно, малость вульгарно так называть это волнующее место... Что же все-таки нужно Носопытину? Я привычным движением передергиваю затвор «Береты». Это успокаивает. Правда, если у меня будут еще и руки дрожать, что вовсе не исключено при столь неумеренном сексе, то пистолет мне не помощник. Манюськина тихо напевает какую-то грустную, разрывающую душу русскую народную песню про ямщика, который зимой заблудился в по-

ле и в итоге замерзает. У меня текут слезы.

Получаю по факсу шифровку. Манюьскин и Епишка уходят по канализации от преследования. Манюьскиной ничего не говорю. Зачем лишние переживания? Еще успеет... Да и не положено. Анализирую предстоящее. Видимо, придется на время залечь. Напишу рапорт на отпуск для восстановления здоровья, а там видно будет. Манюьскина говорит, что надо покупать Саньке новую куртку к учебному году. Проза неумолимо вторгается в наши отношения. Это печально. Надвигается осень. Мы пьем коньяк. Кажется, скоро домой...

Снова вижу в окне слегка сторбленную фигуру Симоны. Она в сером плаще с глубоко надвинутым на глаза капюшоном. Переминается с ноги на ногу и прячется в подъезде. Интуиция подсказывает, что она вооружена. Не исключено, что она связана с исламскими фундаменталистами или... с какой-нибудь левацкой группировкой. Это внушает серьезные опасения. Боюсь за Манюьскину. Меня тронуть она не посмеет, хотя кто знает женское сердце... Потом все можно будет списать на ревность.

Манюьскина очень талантлива. У нее склонность к языкам и живописи. Шутя освоила австрийский диалект. Сейчас отправилась в музей делать наброски с картин великих мастеров. Они получаются у нее настолько самобытными, что их охотно берут частные галереи. Поэтому мы и можем кое-что себе позволить. Я запретил ей работать на полную мощность. Слишком велик риск привлечь к себе ненужное вни-

мание коллекционеров-фанатиков и других не менее опасных субъектов.

Вижу, Симона приняла решение. Направляется к нашему подъезду. Порядочная конспиративная квартира должна иметь кое-какие секреты. Наша соединена с соседней. Прохожу туда и наблюдаю сквозь глазок за лестничной площадкой. Симона достает связку отмычек и профессионально, бесшумно открывает замки. Затем извлекает из сумочки пистолет. Я неслышно открываю дверь и оказываюсь у нее за спиной. Резко бью по запястью руки, держащей оружие. Пистолет со стуком падает на пол. Симона применяет свой излюбленный прием – удар локтем. Но встречает мой блок.

– Я все равно ее убью! – шепчет она. – Я осталась без денег в чужом городе. Как ты мог?!

Эту песню я уже слышал не раз.

– Ну, до Вены ты все же сумела добраться, – констатирую не без ехидства.

Из ее сумочки выпадает пакетик героина.

– Спасибо господину Носопытину. Одолжил... в счет твоего гонорара, – парирует она.

– А герыч тоже он одолжил?

– Пришлось сесть на иглу... из-за тебя!

– Ну, это уж слишком! – не выдерживаю я. – Ты много себе позволяешь со своим господином Носопытиным! Превратилась в наркоманку и распоряжаешься чужими деньгами.

– Ты сам виноват! Зачем уехал? Неужели она лучше меня?

– А ты, случайно, не хочешь познакомиться с австрийской полицией? – интересуюсь мимоходом.

– Неплохой будет заголовок, – смеется Симона. – Генерала из русской контрразведки преследует бывшая любовница-наркоманка! Немного длинно, зато классно. Да, чуть не забыли самое пикантное. Генерал-то живет-поживает с женой своего лучшего агента. Непростой мужик наш генерал, прямо скажем, непростой!

Так. Она прекрасно обо всем осведомлена. Даже в курсе того, что Мане – мой лучший агент. Недурно. Иногда полезно немного поболтать о том о сем...

– Не волнуйся! Я возвращаюсь домой, – перевожу разговор в иную плоскость.

– Врешь!

– Нет, чистая правда!

– Врешь!

– Нет!

Слегка попрепирались. Наконец я показал ей авиабилеты. Она их внимательно изучила и только после этого с достоинством удалилась, послав мне на прощание воздушный поцелуй и сделав непристойный жест. Естественно, этими билетами воспользоваться мы не собирались. Подтверждались мои худшие опасения. Они действительно собирались все списать на ревность бедной покинутой наркоманки... если бы ее удалось схватить.

Медовый месяц незаметно подошел к своему логическо-

му концу.

В забое

Неожиданно пожаловал Прокопич.

– Ты человек? – поинтересовался он.

– Ну? – памятуя, что с рабочим классом надо без затей, ответил я.

– Тогда неси стаканы. – Он шмякнул об стол поллитровку и, по-своему истолковав мое недоумение, добавил: – Не бойсь! Хрустальная!

Выпили.

– Русскому человеку один хрен, что на дворе! Он ни для кого плясать не будет. Никогда! – И он покрутил перед моим носом пальцем. – Главное – победить! Короче, мне завтра в забой, а я не могу.

– Ну? – снова ответил я.

– Не нукай, не запрягал! – вдруг озлился он. – У меня дурные предчувствия. Был сон. Отец покойный явился и сказал, чтобы я завтра ни-ни! Иначе – кранты! Сходишь?

– Ты что, не знаешь, что я генерал? – строго поинтересовался я и приказал: – Встать!

Прокопич послушно встал.

– Ты в каком звании? – спросил я уже помягче.

– Рядовой запаса! – отрапортовал бодро Прокопич.

– Рядовой – это хорошо. Понял, какую глупость сейчас сморозил?

– Понял... – виновато согласился рядовой запаса.

– Ладно, садись, раз понял. Рядовой – это кость армии!

Или мясо? – вдруг засомневался я.

– Это смотря в какое время? В мирное – кость, в военное – мясо!

«А не такой уж он и придурок», – отметил я и вспомнил про девяносто восьмую задачу, о которой уже давно долдонил Носопытин: «С какой силой будет давить на дно шахтной клетки груз определенной массы, если клеть будет опускаться с заданным ускорением?» В душе закопошились неосознанные сомнения.

– А про меня тебе тоже отец присоветовал? – уточнил я.

– Не... Это я сам допер, – честно признал Прокопич.

– Ладно, уважу, по-соседски, – согласился я. – С тебя фант!

– Чего?

– Это я так.

– Я знал, что ты человек! Хоть и генерал тряпочный! Возьмешь «тормозок» и айда! – посоветовал напоследок Прокопич.

Почему «тряпочный»? Это меня, признаться, немного задело. Хотел снова поставить Прокопича по стойке «смирно», но тот уже хлопнул дверью.

Носопытин сразу снял трубку, будто ждал моего звонка.

– Ладно, согласен, – сказал я. – Но, учтите, ставка тройная. Риск колоссальный!

– И не сомневайся! – обрадовался Носопытин.

– Подлецы! – заорал в коридоре Берданкин. – Учат голую жопу целовать!

– Не понял, – насторожился Носопытин.

– Это не вам. Это сосед – ветеран, – пояснил я. – Ругает телевизионный секс.

– Вообще-то он прав, – подумав, поддержал Носопытин ветерана.

– Еще будет дело! До хохоту еще дело будет! – продолжал бичевать ветеран. – Так это дело не пройдет! Дело – труба! Они сделали много! Развалили страну наполовину!.. – задумался. – Больше уже! Ничего не могут сделать!

– Ну как? – поинтересовался я у Носопытина.

– Передайте ветерану, что я с ним!

«Хитрит...» – решил я.

– Ты кто? – спросил меня чумазый мужик.

– Вместо Прокопича.

– Переодевайся и шуруй в пятый. Повезло, что опоздал. Там леса рухнули!

«Не зря Прокопич не пошел...» – подумал я.

– А мужики?

– Все опоздали, – объяснил чумазый и ушел.

Я переоделся в сильно вонючую робу и шагнул в шахтную клеть. Заработала машина. Давление на дно клетки соответствовало Второму закону Ньютона. «Носопытин огорчит-

ся...» – подумалось мне. Мужики дышали в лицо перегаром.

«Работа адова!» – понял я сразу и быстро пополз вперед. Было узко, и двигаться можно было только вперед. «Все продумано. Как на фронте, ни шагу назад!» Сзади что-то рухнуло и стало сильно пыльно. С трудом проморгал глаза и стал с остервенением долбить уголек. Вскоре слабенько забрезжил свет.

Перекусил. Снова задолбил и, наконец, выкарабкался на поверхность. «Сам допер... – вспомнил я разговор с Прокопичем. – А может, кто надоумил?»

– Ты – орел! – поздравили меня мужики. – Думали, тебе хана! А ты – нет! Выкрутился!

– План любой ценой! – ответил я.

Хотелось проучить Носопытина вместе с паразитом Прокопичем.

– Ты – гад! – сказал я Прокопичу. – Я там чуть дуба не врезал!

– Это ты зря! Я без дураков. Сказал все как есть. Ты сам решил. И потом, мне бы не выйти, а ты выскочил! Новичкам везет? Везет! Ты мне, можно сказать, жизнь спас! За мной никогда не заржавеет. У кого хочешь спроси. Так что ты – зря!

Он достал поллитровку и бережно поставил ее на стол:

– Давай! По коням!

– Не буду, – отказался я. – У меня на тебя еще не отлегло.

Пей сам.

– Сам так сам, – охотно согласился Прокопич. – А вообще ты это зря!

Он спрятал бутылку в карман и ушел к себе за перегородку.

Я слышал, как он булькал, кряхтел и удовлетворенно икал. Я стал завидовать рабочему классу в лице Прокопича, потому что хорошо, когда нет проблем. А если вдруг появляются, то легко разрешаются. Это было действительно хорошо.

Лег спать. Побежал... Трибуны, рев, свист... Вверх руки. Чемпион, лавровый венок... Последний герой! Бегу. Главное, не упасть...

Полиграф и Прокопич

После аварии на шахте Прокопич попал у меня под сильнейшее подозрение. Вызывать его к себе в контору было бы непрофессионально, тем более, что формально я находился в отпуске по состоянию здоровья. Пришлось с большими предосторожностями, так чтобы никто не заметил, доставлять домой детектор лжи по прозвищу «Полиграф».

Дело было сугубо добровольным. Прокопич, к моему удивлению, мгновенно согласился.

– Между нами пробежала черная кошка! – поэтически обозначил он происшедшее. – А мы – соседи! Проверь! Если все пройдет на ура, отметим это дело, как надо, и забудем!

Одному было не управиться, а ситуация-то деликатная. Вызвал Манюшкина.

– Это еще что за карла?! – искренне удивился Прокопич, увидев Мане.

Они сразу активно не понравились друг другу.

– Когда я тебя по ошибке подключу напрямую к розетке, и тебя шибанет двести двадцать вольт, вот тогда узнаешь, какой я карла! – отреагировал Манюшкин.

Он сноровисто, как будто всю жизнь только и занимался обслуживанием «Полиграфа», приклеивал клеммы к голове шахтера.

– Гомо советикус... – презрительно добавил Манюшкин,

подергал за провода и включил аппарат.

Заработали самописцы, поползла, тихо шурша, лента, образуя на полу элегические спирали. Я раскрыл опросник.

– Должен отвечать только «да» или «нет», – напомнил я Прокопичу.

– Что я тупой?! – возмутился он. – Ты мне это уже раз десять говорил!

На вопросы о месте рождения, образовании и семейном положении Прокопич отвечал с достоинством и по форме. Потом пошли более сложные вопросы.

– Сексуальные связи с мужчинами имели?

Прокопич сначала остолбенел. Потом обидчиво взорвался:

– Я что, пидар по-вашему?

– Конечно, пидар! – отомстил ему Манюськин за карлу. – Вы только на его рожу посмотрите, товарищ генерал! Вон и самописец зашкаливает. Никаких сомнений!

– Уймись, недомерок! А то я за себя не отвечаю! – расшвирипел испытываемый.

– Отвечайте только «да» или «нет». А вы не мешайте! – осадил я Манюськина. Он мог сорвать проверку. – Продолжаем. Сергей Иванович ваш начальник?

– Нет.

Манюськин молча кивнул на самописец. Кривая резко пошла вверх. «Так, – подумал я удовлетворенно. – Вот и раскололся, голубчик!»

Но Прокопич сразу же поправился:

– Да.

– Так да или нет? – уточнил я спокойно.

– Это как посмотреть, – объяснил Прокопич. – Он был моим начальником, а потом ему дали пинка... за пьянку. И он уплыл на больничный.

«Мы говорим о разных людях или же Прокопич классный профессионал», – решил я.

– Начальник смены? – снова уточнил я.

– А то кто же?

– Так, ладно, проехали. Вы хотите причинить вред Родине?

– Да.

Я с трудом сохранил равнодушную мину. Самописец выписывал ровную линию.

– Почему?

– Значит, по порядку. Мы отмечали день рождения. Три дня. Меня, само собой, не было на шахте три дня. На следующий день вышел. Так? – Прокопич загнул палец. – Так! А мне не оплатили четыре дня! И еще срезали тринадцатую! – стал распаляться подозреваемый. – А ты спрашиваешь, почему? Ты понимаешь или нет?! Мне и старик Берданкин сказал, имеешь право причинить им любой вред!

– Сексуальные связи с несовершеннолетними имели?

– Да.

– Ну что я говорил? – торжественно констатировал Ма-

нюськин. – Типичнейший пидар. И притом опасный! А вы мне: не мешайте! Обидно слышать!

– Ты что, вступал в связь с несовершеннолетними? – удивился я.

– Мне было пятнадцать, а ей – шестнадцать. Эх, много воды утекло. А до сих пор не могу забыть! Хотел жениться, да она была против.

– Ранний сексуальный опыт... по тем временам, – подытожил я. – Ладно, снимай провода. На сегодня все!

Присоски отлипать не хотели. Полиграф был явно слабоват против Прокопича. Испытуемый с аппетитом махнул стакан водки, бросил в рот щепотку квашеной капусты и довольнo объявил:

– А что? Мне лично понравилось. Если чего, я готов!

– Ну и тип! – подрезюмировал Манюськин. – По всему видать, опытный вражина. Сколько ленты на него извели, а не подкопаешься. Полиграф аж перегрелся, вот-вот закипит!

Я закурил сигару, что делаю лишь в исключительных случаях, когда надо крепко подумать. Выпустил толстое кольцо дыма, которое, медленно покачиваясь, поднялось к потолку, где и растаяло не торопясь, без следа. Случай был действительно сложный...

Против лома

Получил сообщение от осведомителя. Неприятность с Глобовыми. Поехали продавать свой горбатый запорожец и задели БМВ. Виновата иномарка, пыталась проскочить на красный свет. Но парням из БМВ было на это наплевать, потребовали у Глобовых десять штук баксов на ремонт. А если те будут упрямыться, то включают счетчик и отберут домик, а самих заруют. Не в моих правилах бросать агентов на произвол судьбы, тем более в тяжелых обстоятельствах. Необходимо было послать пару крепких ребят, чтобы разобрались с нахалами. Но кого? Хорошо бы с опытом оперативной работы... Все, на кого можно было бы положиться, на заданиях. Пришлось подключать Мане с Ходиками. Все происшедшее с Глобовыми могло быть неслучайно...

Епишка стремительно ворвался в ухо Сергей Ивановича и с порога выпалил:

– Глобовы наехали на коптевскую бригаду!

Манюськин не подал вида, что ошеломлен подобным известием, а как учили в разведшколе, потянулся, достал с полки небольшую трубочку, набил ее табачком и не торопясь закурил.

– Садись, Епиход! Садись. Закуривай. Ну что ты так, право? С порога! Ведь эдак и инфаркт недолго! – засмеялся Ма-

нюськин, демонстрируя полнейшее хладнокровие.

– Ты же знаешь, Семеныч, что я не курю! – обиделся Епиход на такую бестактность.

– Это я так, Епиход, к слову. Рассказывай по порядку. Значит, Глобовы совсем крутыми стали? – закивал понимающе Манюськин и, не дожидаясь объяснений, продолжил: – Правильно, давно пора этих авторитетов пощипать. Если власти не могут порядок навести. Одобряю!

– Да нет, Семеныч! Ты не понял. Это коптевцы требуют с Глобовых десять штук баксов! За крыло!

– За крыло? Десять тысяч зеленых? – не смог скрыть удивления Манюськин. – А ты не путаешь, случаем чего, Епиход?

– Чего тут путать-то, Манюша?! – досадливо махнул рукой Епиход. – Ты как будто вчера родился. Сидишь себе в ухе и даже газет, наверное, не читаешь?

– Почему не читаю... – замялся Манюськин.

Газет он действительно не читал, но не из-за жадности, ведь не в ухо же почтальон будет корреспонденцию опускать.

– Я не в отрыве, Епиход! У меня вон и факс есть. Так что ты не думай, я в курсе.

Епиход не стал поддаваться на удочку Манюськина с факсом, иначе беседа могла бы сильно затянуться, а только досадливо крякнул.

– Тебе в туалет надо? – участливо поинтересовался Манюськин.

– Да нет, Семеныч... В общем, меня к тебе послал шеф! –

важно выложил Епиход.

– А почему не мне первому сообщил? – настороженно спросил Манюськин, полагая, что все это вполне может быть розыгрышем, хотя Епиход и не по этой части, но его запросто могли увлечь.

– Ты же в ушах! И факс твой, видать, забарахлил. Чего уж тут не понять-то?! Короче, мы должны остудить бригадиров! Так сказал генерал!

– Подожди, дай собраться с мыслями. – Манюськин достал разноцветные мишени, развесил их и стал задумчиво метать в них дротики. – Помнишь Гавриленку? Как он нас учил? У каждого должно быть любимое оружие нападения. А у дротика славное историческое прошлое. У тебя, помнится, кнут?

Епиход кивнул и похлопал себя по голенищу сапога, оттуда выглядывало кнутовище. Манюськин неожиданно промахнулся. Раздался страшный рев. Жилище зашаталось. Выскочили перепуганные домочадцы.

– Что случилось, отец? – встревоженно прокричала Манюськина.

– Да, промахнулся... ненароком... – нехотя объяснил Манюськин, выдергивая дротик.

– А не вычистит? – обеспокоенно поинтересовался Епиход.

– Не достанет... – напряженно думая о чем-то своем, откликнулся Манюськин.

Действительно, появилось спичка-бревно, обмотанное ватой, стало рыскать по помещению, никого не задело и скрылось.

– Что я тебе говорил... Проверено! – Манюськин закончил делать какие-то записи. – Все, Епиход! Набросал план действий. Прежде всего, надо выбрать род оружия. У меня кое-что есть!

Он встал, подошел к большому металлическому шкафу, вынул из кармана внушительную связку ключей, отобрал один, вставил его в замочную скважину, покрутил, но дверцы не открывались.

– Забыл, какой ключ? – поинтересовался Епиход.

– Странно, вроде этот подходил... – Манюськин стал с силой дергать дверцы.

Это снова не понравилось Сергей Ивановичу, опять появилось спичка-бревно.

– Больно нежный стал, паразит! – не обращая внимания на опасность, сказал Манюськин.

Спичка-бревно сновало буквально в миллиметре от него.

– У меня все выверено! Не достанет! – самодовольно добавил он, и в тот же момент был сбит с ног.

Откатился в угол. Быстро вскочил разъяренный.

– Неужели купил удлиненные спички?! Придется прочесть мерзавца! Буду поджигать вату! – зловеще пообещал Манюськин.

– Может не надо, Манюша? Ведь мы же все задохнемся

здесь! – стараясь не выдавать свою тревогу, стал отговаривать друга Епиход от опрометчивых действий.

– Задохнуться не успеем... У него нервы не выдержат раньше, чем у нас!

– Это большой вопрос... – пробормотал Епиход. – Ты это как-нибудь проверишь без меня. Я еще от канализационной вони никак не отойду. Да и некогда нам! – привел он последний наиболее убедительный довод.

«Готов детьми рисковать!» – подумал одновременно с осуждением и восхищением он про друга.

– Ладно, потом как-нибудь проверю эту гипотезу, – согласился Манюшкин. – А сейчас действительно не до этого паразита! Глобовых спасать надо! – Он решительно дернул дверцы, и шкаф открылся.

На полках лежали какие-то инструменты и пыльное духовое ружье. «Семеныч не понимает...» – с горечью констатировал Епиход.

– Шеф сказал, что все необходимое нам подберет Гавриленко, а ты возьми только дротики, – посоветовал он.

– Это чья мысль?

– Генеральская... – соврал Епиход.

Ангар с виду напоминал обычный большой склад. Да и над воротами висела покосившаяся вывеска «Склад», чуть пониже и помельче – «оптовый», а еще ниже шло уточнение – «мелко». Но тренированный глаз приметил бы ка-

кой-то уж больно странный глазок в двери, а уж совсем квалифицированный человек отметил бы, что это миниатюрная видеокамера. Да и место вокруг очень хорошо просматривалось со всех сторон, так что подойти незаметно не было никакой возможности. Епиход нажал на кнопку звонка. Дверь бесшумно отъехала в сторону. Манюськин вложил в паз вторых дверей пластиковую карточку с цифровым магнитным кодом. И друзья оказались внутри склада-полигона специального назначения. Навстречу им вышел крепыш в камуфляжной форме.

– Привет, Гавриленко! – помахали ему руками вошедшие.

– Привет-привет! От бордовеньких штиблет! Подобрал вам кое-какие железки, – забасил Гавриленко. – А транспорт выбирайте, какой приглянется.

Вдоль стен стояли автомобили. От сверкающих лаком «Роллс-ройсов» и спортивных «Феррари» до обшарпанных инвалидных мотоколясок.

– На любой вкус! – с гордостью сказал Гавриленко.

– Может «мерседес»? – предложил Епиход.

– Не... превратят в решето, – забраковал идею Манюськин.

– Тогда «Зилон... 117-й»!

– Что мы, члены? Меньше внимания – лучше, Епиша.

Манюськин остановился у машины, внешне напоминавшей «Победу»:

– Кажется то, что нужно. Надежное железо плюс каче-

ственный внешний вид.

Подошел Гавриленко.

– Выбор одобряю. Из коллекции старого Хозяина. Любил машинки, да и ездил классно! Конечно, аппарат малость тяжеловат за счет брони, зато без неожиданностей. Движок «Порше», двойной привод, до 160 миль в час. Сзади крупнокалиберный пулемет. Спереди усилена клыками, может пробить десятимиллиметровую броню шутя! Теперь пойдём, посмотрим железки.

Вошли в просторное помещение.

– Во-первых, армейский гранатомет «Муха». Надежный и может хорошо впечатлить! Автомат Калашникова, последняя экспериментальная модель с электронной самонаводкой, пара «Манлихеров», гранаты, взрывчатка, ножи. Да, обязательно бронежилеты!

Епиход быстро облачился в бронежилет.

– Это лишнее, – пренебрежительно отказался Манюськин.

– Инструкция тридцать семь прим. Обсуждению не подлежит! – твердо проговорил Гавриленко.

– И зачем только нужна эта тяжесть? – забормотал недовольно Манюськин, натягивая бронежилет. – Будто поможет! Может, еще и каску?

– Кстати, каски возьмете с собой. Используйте по обстановке, – объяснил Гавриленко. – В инструкции на этот счет туманно.

Отволокли снаряжение в машину.

– Да, учтите! Аппарат дорогой, без нужды не рискуйте! – предупредил Гавриленко по поводу автомобиля.

Манюськин, любовно оглаживая матовую поверхность кузова, обошел вокруг машины, приговаривая:

– Да, класс... Мечта жизни!

– А может по мотоциклу? Гляди, какие монстры стоят! – неожиданно предложил Епиход.

Неясные опасения шевельнулись у него внутри во время сцены знакомства Манюськина с автомобилем..

– Ты здоров? – поинтересовался Манюськин в ответ на такую бестактность.

В юные годы именно страсть к мотоциклам подвела его под монастырь. Решил прокатить с ветерком свою будущую супругу на чужом драндулете. Причем без ведома хозяина, отлучившегося в магазин за папиросами. Ну и врезался в дерево. Хорошо еще, что отделались синяками да царапинами. Хозяин мотоцикла и заявление забрал, и никаких претензий. А все равно впаяли три года...

– Но ведь столько лет, Семеныч!

– Я – нет! – отрезал Манюськин. – Мне того раза вот так хватило! – Провел ладонью по горлу. – А ты можешь на мотоцикле. Пожалуйста. Твое право, – и немного помолчав, добавил: – Тебя первым выстрелом и снимут. Сэкономимь нам пару минут. Давай, валяй!

– Ладно, я пошутил, – пошел на попятную Епиход, пред-

ставив, как его снимут первым выстрелом.

– Ну, тогда по коням! – скомандовал Манюськин. – Бывай здоров, Гавриленко!

Машина, мощно взревев мотором, резко взяла с места. Перед воротами Манюськин неожиданно ударил по тормозам. И Епиход чуть не разбил себе голову о лобовое стекло.

– Помягче, Семеныч! Не горячись! – попросил он, предчувствия начали сбываться.

– Проверка, Епиход! Проверка! Не паникуй! Тормоза, что надо! Батюшки! Еще и компьютер! Ну и дела. Живем, Епиход, живем!

«Манюша начинает терять голову...» – обеспокоенно подумал Епиход, искоса поглядывая на друга.

Ворота раздвинулись, и машина вырвалась на оперативный простор.

Домишко Глобовых нашли не без труда. Он стоял на самом отшибе. Дверь была не заперта. Хозяин сидел спиной к дверям за столом, на котором стояла сильно опустошенная бутылка водки.

– По объявлению? – не поворачиваясь, спросил Глобов.

У Епихода брови поползли вверх, а углы губ вниз, и лицо приняло страдальчески недоуменное выражение. Он pokrutil вопросительно пальцем у виска. Манюськин неопределенно покачал головой и приложил палец к губам.

– Пять штук, – не дожидаясь ответа, продолжил Глобов.

– Баксов? – прикрыв рот рукой, глухо поинтересовался

Манюськин,

– Ну не деревянных же... Уступать не могу. Поставили на «бабки»! Могут включить счетчик!

– Дороговато за такое, – стал торговаться Манюськин.

– Так вы ж не смотрели! – Наконец рассерженно повернулся Глебов и, увидев друзей, без энтузиазма добавил: – А... Это вы, ребята. Что, на рыбалку собрались? Рыбу глушить?

– Можно сказать, что и так, – вступил в разговор Епиход. – Шеф приказал с твоими засранцами разобраться.

– Они не засранцы, – мрачно объявил Глебов. – Они, они... суки они опасные, вот кто они!

– Вот это дело! – подбодрил его Манюськин. – А то ты совсем раскис. Марианка-то где?

– В зале... Надоела... Вот продам дом и разведусь. Все к черту продам! И снова в уши! Как ты. Никакой частной собственности. Полная свобода!

Из соседней комнаты послышался леденящий душу вой.

– Кто это? – испуганно поинтересовался Епиход.

– Кто, кто?.. Она...

– Не может быть! – не поверил Епиход и прошел на цыпочках в соседнюю комнату, вернулся.

– Ну? – поинтересовался Манюськин.

– Она, – кивнул несколько раз утвердительно головой Епиход.

– Садитесь, корешки, махнем по маленькой! – предложил

Глобов.

У стены стоял ряд пустых бутылок.

– Нет, старичок! Перед делом нельзя. Потом – другой разговор. И тебе хватит. А то ты нам не помощник. Сейчас пойдешь, позвонишь и назначишь встречу, скажешь, что всю сумму не наскреб, а только половину. Будешь ныть, что остальное позже отдашь. Они скажут, что если позже, то будет уже шесть штук. Тогда немного помнешься и согласишься отдать все.

Епиход с почтением посмотрел на друга.

– Я никуда не пойду! И ваньку валять не буду! Мне еще жить хочется! Вы их просто не видели, поэтому и несете... всякое! – стал горячиться Глобов.

– Ты что?! – неожиданно зловеще тихо начал Манюсский и, не выдержав, сорвался на крик. – Ты что?! Чтобы контрора перед какими-то там говнюками забздеда?! Такому не бывать! Не бывать такому!

В этот момент нельзя было не восхититься Манюсским. В нем, безусловно, была настоящая харизма. Это был лидер, подлинный народный вожак!

Глобов послушно встал, вытянулся по стойке смирно. Но покачнулся и с грохотом упал на пустые бутылки.

– Займись! – приказал Манюсский другу.

Епиход оттащил Глобова в ванную. И через некоторое время тот уже был готов к действиям.

Манюсский разложил на столе карту.

– Постарайся уговорить их встретиться на набережной Яузы. – Он ткнул пальцем в карту. – У горбатого мостика. Там трамвайные пути, народу обычно никого. Граждане не должны пострадать, ни при каких обстоятельствах. Если не согласятся, не переживай, потом их туда заманим. Не беда. Пусть назначают любое место.

Глобов пошел звонить.

– Ну, как будем действовать, старичок? – обратился Манюшкин к Епиходу. – Сразу перестреляем их, как собак, или как?

Епиход понял, что вопрос провокационный, и Манюшкин уже все решил и просто хочет его подловить. Но что тот замыслил на самом деле, Епиход догадаться не мог.

– Зачем же сразу? Сразу нельзя... – Неожиданно Епихода осенило. Он вспомнил американские фильмы, которые пересмотрел во множестве за последнее время, и, воодушевившись, продолжил: – Сразу не годится. Сначала, как положено: «Полиция!» Потом выстрел в воздух и сразу же: «Руки за голову! Сопротивление бессмысленно, дом окружен! Можете вызвать адвоката!»

– Какой дом? Какого адвоката? Что ты несешь?! – поморщился Манюшкин и разочарованно протянул: – Но в целом неплохо... – К сожалению Епиход на крючок не клюнул. – Это у них там, за бугром. А у нас это не пройдет. Почему, Епиход, кошка никогда сразу мышку не давит? А?

– Поиграть хочет, – никак не мог понять Епиход, куда кло-

нит Манюськин.

– А зачем?

– Отстань! – разозлился Епиход.

– То-то и оно! Без игры неинтересно. Есть у меня, брат Ходя, один планчик. Сначала мы их поводим малость, ну скажем, как рыбу.

– Как бы они нас не повели! – мрачно возвестил вернувшийся Глобов. – Ждут через час в центре, у «Метрополя».

– У «Метрополя»? – удивился Епиход и восхищенно добавил: – Ну ничего не боятся, гады!

– Наденешь бронезилет и каску! – приказал Манюськин Глобову.

Никто не заметил, как появилась Глобова. Слишком увлеклись разговором.

– Не пуцу! – неожиданно сильно заорала она, чем изрядно напугала присутствующих. У Манюськина задергался глаз.

– От внезапности, – пояснил он, прикрыв его ладонью.

Расставив руки, Глобова спиной отеснила супруга в угол комнаты. Тот попытался прорваться, но не смог.

– Я пойду! А его оставьте! Семеныч! Я тебе говорю, а не кому-нибудь! – объявила она категорично.

«Возможно, что с ней было бы и лучше. Тем более что формально она пока еще, кажется, в штате... Но бабу подставлять как-то не солидно... И случись что, как мы с Ходей

будем смотреть в глаза своему боевому товарищу?» – обдумывал Манюськин сложившуюся ситуацию.

– Конечно, ты поедешь, – согласился, наконец, он. – Отпусти мужика, он и так еле дышит. Мы его только в форму привели.

Глобова недоверчиво посмотрела на Манюськина, потом на Епихода и снова на Манюськина. Такой быстрой победы она не ожидала. Нехотя пропустила Глобова. После чего ее быстро затолкали в туалет, где и заперли с превеликим трудом.

– Как сидит? – поинтересовался Глобов, надев бронези-лет. Епиход одобрительно поднял вверх большой палец правой руки.

– Откройте, паразиты! – буянила Глобова. – Оставьте Его-рыча, ему еще надо сантехнику до ума доводить!

– Вот приедет и доведет, – успокаивал ее через дверь Епиход. «Если конечно приедет...» – заканчивал уже про себя.

Гулко топая высокими армейскими ботинками на шнуровке, троица сбежала с крыльца к машине.

– Высший пилотаж! – одобрил авто Глобов.

В таких вещах он разбирался не хуже Манюськина.

Схватка

Я связался по радиотелефону с Манюськиным и на всякий случай предложил ему подкрепление. Тот высокомерно отказался:

– Велика честь для этих недоносков!

Осведомитель из «Метрополя» вскоре доложил мне, что «недоноски» просто решили там отобедать, потому и назначили это место для встречи. Тем не менее я решил все же проверить обстановку на месте. Береженого, как говорится, бог бережет. В пословицах сосредоточена многовековая народная мудрость, поэтому их можно и нужно использовать в работе. Я взял свой кейс и не торопясь пошел пешком по направлению к «Метрополю». Идти было недалеко. Да и погода была что надо: сухо, солнышко пригревает. Сейчас бы где-нибудь на бережке, с удочкой... Огляделся. Выбрал место наблюдения – чердак Малого театра. Но тут вышла непредвиденная загвоздка. Уперлась вахтерша на служебном входе: «Без пропуска не пущу!» Я пытался ей объяснить, что я генерал и мне можно. Ни в какую. Как скала! Признаться, мне нравится, когда вот так исполняют свои обязанности. Старая гвардия! Пришлось искать подход. Вспомнили вместе довоенное время, потом военное, затем послевоенное, наконец, она не выдержала и заснула. Поднялся наверх. С чердака открывался прекрасный обзор.

Достал из кейса подозрную трубу, установил ее на штатив. Связался по радиосвязи с технической службой, доложили, что взрывное устройство под машиной бандитов установлено. Стал наблюдать. В одном из окон, кажется, номера люкс за слегка отодвинутой шторой мелькнула физиономия Носопытина. А в глубине, не может быть?! Самого Сергей Ивановича! Может, почудилось? Стал всматриваться до рези в глазах. Но ничего больше разглядеть не удалось. Да и события на улице стали стремительно разворачиваться. Из ресторана вышли трое бандитов, было видно, что они настроены после обеда весьма благодушно. Одновременно подъехали Манюськин с товарищами.

Манюськин и Глобов вышли из машины и направились к вымогателям. Выглядели они очень импозантно. Епиход остался в машине и стал налаживать гранатомет. Видавшие виды рэкетеры не смогли скрыть изумления.

– Эти? – на всякий случай уточнил Манюськин у Глобова. – Ошибки в таких делах быть не должно! Сам понимаешь!

– Они... – тихо подтвердил Глобов и сильно задрожал всем телом.

– Где тачка с повреждениями? – спросил ласково Манюськин у бандита, которого принял за главного.

Тот небрежно кивнул в сторону припаркованной поблизости безмешки. Манюськин внимательно осмотрел машину и обнаружил лишь небольшую царапину около фары.

– Из-за царапины? – уточнил он у Глобова.

Тот опасливо едва заметно кивнул. Всегда нужна причина, чтобы перейти к активным действиям. И Манюнькин начал постепенно распалаться.

– Значит, за царапину пять штук? – поинтересовался он у бандитов.

– Заткнись! Где бабки? – грубо оборвал его один из вымогателей.

Другой неожиданно щелкнул Манюнькина по каске, произнеся:

– Классная вещичка! Махнемся, малыш?

После этого Манюнькин был уже совершенно готов к атаке. Отступив, он с разворота молниеносно метнул в щелкнувшего его бандита дротик. Металлическая колючка вонзилась в бедро обидчика, который дико заорал, выплевывая матерные ругательства и обхватив раненую ногу. Манюнькин метнул еще пару дротиков, но промахнулся. Видимо, дрогнула рука. В ответ загрели выстрелы. Манюнькина с Глобовым спасли бронежилеты. Но удары пуль были сильны, и они отлетели к машине.

– Все нормально! По плану! – с трудом прохрипел Манюнькин.

Выскочил Епиход с гранатометом, присел за машиной, прицелился. Но тут план нарушила подъехавшая на частнике Глобова. Дома она выломала дверь, о чем свидетельствовали щепки, застрявшие у нее в волосах и одежде. Она мгно-

венно оказалась среди рэкетиров, решив, что Глобов убит. На самом деле он был лишь изрядно контужен. И стала наносить направо и налево удары небольшой хозяйственной сумкой, предусмотрительно набитой гравием. Епиходу пришлось в последний момент взять повыше, чтобы не зацепить Глобову. Граната ударила в угол дома, откололся большой кусок стены и упал на автомобиль вымогателей, сильно помяв крышу.

Чтобы немного разрядить обстановку и дать возможность перегруппировать силы, я включил радиовзрыватель. Но на куски, к моему удивлению, разнесло соседний лимузин. Кажется, посла Боливии. Видимо, что-то напутали техслужбы. Но тем не менее это дало нужный результат. Манюськину удалось воспользоваться общим замешательством. Он подскочил к Глобовой, схватил ее за руку и потащил к машине.

– По коням! – страшно заорал Манюськин.

Никого уговаривать не пришлось. Все быстро попрыгали в авто.

Едва Епиход захлопнул дверцу, как по машине забарабанили пули, не принося правда никакого вреда.

– Броня крепка! – заорал в ажиотаже Епиход. – Может из пулемета? А? Семеныч?

– Рано, Ходя! Рано... Спугнем, – тяжело дыша, успокоил его Манюськин.

Глобовы, обнявшись, устроились сзади. Манюськин мед-

ленно стал отъезжать, давая возможность рэкетирам сесть в машину. Из ресторана выскочили еще человек пять и быстро загрузились в другую тачку.

– А теперь по газам! – скомандовал Манюськин, и автомобиль, резко развернувшись, рванул вперед. – Держись, молодожены! – предупредил он Глобовых.

Группа машин, мало обращая внимания на светофоры и дорожные знаки, выскочила на проспект Мира и понеслась к кольцевой дороге, заставляя шарахаться в стороны встречные и попутные машины.

– Клево идем! – выразил общее настроение Епиход. – Не тачка, а настоящий носорог!

– Лучше бы на мотоциклах! – подколот приятеля Манюськин.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Епиход.

Наконец выскочили на кольцевую. Манюськин то давал преследователям приблизиться к ним вплотную и даже поравняться, тогда были видны победно ухмыляющиеся физиономии членов организованной преступной группировки, то легко уходил вперед. Сделав три круга по кольцевой автодороге и изрядно помотав противника, Манюськин объявил соратникам:

– Ну все! Хорош! К горбатому мостику за окончательным расчетом!

И машина помчалась снова в центр по направлению к Яузе. Выбранное Манюськиным место было безукоризненным

во всех отношениях. Безлюдное, хорошо просматриваемое со всех сторон и немного мрачное. Он резко затормозил, так что машину при этом сильно занесло и развернуло лицом к противнику. Это был коронный трюк Манюськина – так называемый полицейский разворот. Первая машина с преследователями по инерции проскочила мимо и встала неподалеку от ремонтируемого и по этой причине разобранного паркета. Манюськин дал газ и устремился в лобовую атаку. «Носорог» ударил машину противника, острые клыки переднего бампера легко вспороли переднюю панель безэмвешки. И Манюськин стал неотвратимо двигать иномарку к реке. Та стала упираться, ее водила изо всех сил жал на тормоза, но это не помогало. У боевиков еще было время выскочить из машины, но из-за излишней самонадеянности они его пропустили. Манюськин, дотолкав тачку до края набережной, стал спихивать ее в воду. Но тут произошло непредвиденное. «Носорог» не захотел расставаться с добычей. Клыки застряли в рыхлом теле безэмвешки, и та стала тащить за собой в воду «Победу». Момент наступил критический. Машины стали балансировать на краю. Выправило ситуацию оставленное строителями корыто с цементом. В него неожиданно попало правое колесо «носорога», и иномарка, нехотя отцепившись и громко булькая, ушла под воду.

– Сейчас бы и мы искупались... – сглотнув слюну, прошептал Епиход, – на славу...

– Если выплывут, будет урок! – Манюськин зорко осмат-

ривал поверхность темной воды.

– А если нет? – поинтересовался Епиход. – Кровопийцы, конечно...

– А если нет... – задумался Манюськин и закончил назидательно: – На нет и суда нет!

Относительно легкая победа притупила бдительность, и Манюськин с Епиходом не заметили неожиданно возникшую вторую машину, набитую бандитами.

– Ноги? – спросил Епиход.

– Много возможно, – вдруг откликнулся Глобов.

Манюськин вопросительно посмотрел на Епихода.

– Перенервничал, – тихо объяснил Епиход, незаметно покрутив пальцем у виска.

– Не время сейчас, – в том же духе уклончиво ответил Манюськин Глобову.

– Как хочешь, – охотно согласился тот.

Боевики высыпали из «мерседеса» и рассредоточились среди гранитных плит и строительного мусора.

– Из пулемета! Предупредительными! Короткими! Огонь! – приказал Манюськин.

– Есть! Предупредительными! Короткими! – по-военному четко ответил Епиход. – Эй, молодожены! – обратился он к Глобовым. – Подвиньтесь! Надо дать ребятишкам огонька!

Он перелез на заднее сидение. Нажал на рычажок. Открылось небольшое отверстие в крышке багажника. Епиход просунул в него ствол крупнокалиберного пулемета и стал стре-

лять по противнику.

Манюськин попытался отъехать от края набережной, но колесо плотно застряло в корыте.

– Сначала спасло, а теперь погубит... – пробормотал он. – Епиход! Дай им сесть в тачку, а потом прицепи ихнюю к нашей. Сам знаешь чем!

– Ну, не подведи, родимый! – Епиход поцеловал кнутовище.

Как только бандиты загрузились в машину, с криком: «Прикрывай!» он выскочил наружу. Ловко стегнул кнутом так, что его конец обвился вокруг бампера «мерседеса». А кнутовище быстро зацепил за клыки «носорога». После этого Епиход вскочил обратно.

– Ну теперь, если не дураки, поймут, что к чему, – сказал Манюськин.

Противники быстро смекнули, что «носорог», если свалится, то утащит за собой в пучину и их лимузин. Поэтому дали задний ход и оттащили «Победу» от берега.

– А теперь наша очередь! – крикнул в запале Манюськин. – Отблагодарим голубчиков!

«Носорог» потащил упирающегося «мерса», швыряя его в разные стороны.

– Ну хватит! Побаловались и будя! – Манюськин, резко газанув, направил «мерседес» на ближайший столб.

От удара лимузина о столб «носорог» резко дернулся, кнут сильно натянулся, не выдержал и лопнул. Освобожден-

ный носорог, победно трубя, резво побежал по саванне.

МИД

Перевод в МИД не был для меня совсем уж неожиданным. Чего-то подобного я ждал. И меня это не особенно огорчило. Главное – служить Родине. Тут необходимо выделить два состояния. Первое – когда я и есть Родина. И тогда я служу Родине, то есть самому себе. Второе – Родина – это я. И тогда я служу себе, то есть Родине. Сейчас было первое. Конечно, публика на Смоленской была покультурнее. С генералами не сравнишь. Но и поопаснее. Интриги поковарнее. Ну да ничего! Не привыкать!

Чтобы не пугать мидовцев, спорол с кителя погоны и аккуратно снял все ордена и знаки отличия. Но чтобы понимали, с кем имеют дело, остался в галифе с лампасами плюс многочисленные дырки в кителе от орденов. По дороге на Смоленскую прошелся по своей малой исторической родине. В доме на Сивцеве-Вражке жила теперь мулатка, дитя фестиваля. Сначала она чинно ходила со скрипкой и приветливо со всеми здоровалась. Но потом темперамент взял верх, и мужички разных возрастов и профессий пошли косяком. Люди с таким широким кругом знакомств по инструкции подлежат немедленной вербовке, что я и взял себе на заметку.

Перед входом в здание МИДа я обратил внимание на серый уазик. Из него люди в рабочей одежде выгружали какие-то емкости с химикатами и ручные насосы. Среди них

выделялась очень крупная, статная женщина в темных очках и миниатюрных наушничках. Она играючи перетаскивала тяжелые бидоны, пританцовывая. Видимо, из плеера, который она при этом слушала, доносилась зажигательная мелодия. Когда ей не мешал груз, она щелкала в такт пальцами и подпевала. Я немного полюбовался этим выдающимся созданием природы и пошел дальше, наказав себе не забыть поинтересоваться насчет этих людей у охраны.

В МИДе было прохладно. Кабинет был, конечно, поменьше старого, но уютный, да и вид из окна, безусловно, был лучше. Собственно, различий почти не было: там – устав, здесь – протокол. А работа, она везде работа. Главное, не ленись.

Подошел к окну. Задумался о надвигающейся старости. Постепенно начнет сужаться круг задач. Отпадут те, где надо прыгать с парашюта, лететь с обрыва на мотоцикле, резко тормозить на трамвае и прочие, связанные с риском и хорошей физической подготовкой. В результате останутся типа наблюдателя-корректировщика, находящегося на водонапорной башне и определяющего, где падает снаряд. Хотя еще попробуй подняться на эту проклятую башню, если мучает стенокардия... Или, к примеру, пассажир в первом поезде замечает, что второй поезд проходит мимо него в течение шести секунд. Вот именно, что проходит мимо. Тьфу! Прямо скажем, качественная задачка. А ведь в старости потребностей-то тоже хватает. Сохранишь здоровье – многие старые

претензии будут будоражить, если нет – то дорогие лекарства и санаторно-курортное лечение. Ну да ничего! Не одного меня это ожидает. Удел многих, кто умудряется дотянуть. Надо просто взять себя в руки и перестать ныть, а то предстоящим можно сильно испортить настоящее. Эта мудрая мысль прогнала дурное настроение.

И, засучив рукава, я принялся за работу. События не заставили себя ждать. По коридору забежал народ. Топот, суета, хлопанье дверей. Ударил в нос резкий запах. Противогаз надел за четыре секунды, побив свой личный рекорд на одну секунду, а следовательно, и рекорд академии, где обучался ремеслу. Насколько мне известно, с тех незапамятных времен его еще никто не превзошел. Вышел в коридор. Сотрудники падают, как мухи. Соединился со штабом гражданской обороны. Отдал необходимые приказы, уточнил обстановку. Начштаба доложил, что должны были морить тараканов, от которых в последнее время не стало житья, и, видимо, перестарались. Перестарались? Какой, право, идиот! И таких людей назначают на ответственные должности!

Забегали медики. Военные химики провели дегазацию. Народ стал приходить в себя, отряхиваться и возвращаться на рабочие места. Звонок по спецсвязи. Исчезло секретное военное приложение к договору о поставках исламистам мирных ядерных установок. Это уже ближе к делу, а то «перестарались»! Теперь только надежда на народ и собственную сообразительность. Народ сообщил много интересного

и даже захватывающего из интимной жизни сотрудников, но ничего по существу вопроса. Короче, подвел. Ну да ладно. На народ надейся, но и сам не плошай! Решил разрабатывать собственную версию. Вызвал директора фирмы по борьбе с тараканами, попросил его захватить с собой личные дела сотрудников. Тот не заставил себя ждать. Неглупый человек, сразу понял, что жареным запахло.

– Все – проверенные люди! Много лет отдали борьбе с вредителями! – стал защищать он своих подчиненных.

Это, не скрою, мне понравилось.

– Однако, я не вижу среди ваших сотрудников такой крупной дамы, забыл ее фамилию... Ну, любительницы потанцевать?

Директор смутился и слегка покраснел.

– Тут, знаете ли, вот какое дело... – замялся он. – Она пришла накануне, и мы еще не успели ее оформить.

Вот теперь все стало на свои места. Акция была идеально спланирована. Исчезновение секретного приложения было по нескольким целям. Первое – под удар попадал МИД, второе – крупные оборонные предприятия лишались выгодных заказов, третье – международный скандал, четвертое... Перечислять можно было бы до бесконечности. Здесь чувствовалась исключительно тонкая многоходовая игра. В таких ситуациях приходится рассчитывать только на случай. И он не заставил себя долго ждать. Раздался звонок Епихода.

Бесаме

Манюськин, вооружившись фломастерами, сидел за письменным столом, горела настольная лампа. Манюськин работал. Ага! Кажется то, что доктор прописал. Еще не веря в удачу, он снова перечитал газетное объявление: «Нежная, темпераментная. Двадцати трех лет, ждет романтического малыша до тридцати пяти лет для дружеских встреч на нейтральной территории. Кавказцев просим не беспокоиться. Интим не предлагать». Сколько пришлось перелопатить прессы? Но не зря!

Манюськин жирно подчеркнул ключевые слова: «темпераментная», «малыша». Подумал и подчеркнул – «романтического». «Для встреч на нейтральной территории... Непонятно... – снова задумался он. – Ну и ничего особенно страшного. Один раз у нее, а в другой раз пригласим барышню к Сергей Ивановичу. Пока мои в деревне... Уж куда романтичней! Вот и будет нейтральная». Сначала он как-то не обратил внимания на конец объявления, но вскоре до него дошло определенное противоречие текста. «Может быть, ошиблась или в газете что-то напутали? – засомневался Манюськин. – Что же с ней тогда делать, если интим не предлагать?» Уж так все хорошо и – на тебе! Страшно не хотелось верить в это неприятное ограничение. От умственных усилий Манюськин даже слегка вспотел и не заме-

тил вошедшего Епихода.

– Тебе что, нет тридцати пяти? – ехидно поинтересовался тот, заглядывая через плечо друга и читая текст объявления.

– Я же не собираюсь паспорт показывать, – веско возразил Манюськин. – Тем более его у меня и нет на данный исторический момент. Да и разве в годах дело? Я еще о-го-го!

– Это верно, – подумав, признал Епиход. – Ты еще, действительно, ничего.

– Ты мне вот что скажи, корефан! Почему интим не предлагать? Ты как думаешь?

– Ну... Мало ли? Может, устала, может, еще что... Видишь, кавказцев просит не беспокоить. Возможно, хочет просто. Ну там пообщаться, обсудить какой-нибудь сериал... – Епиход и сам толком не понимал смысл объявления.

– Как просто? – От напряженного разгадывания у Манюськина слегка заломило в висках. – Прямо ребус какой-то! – проговорил он раздраженно.

– Супруга неожиданно нагрянет и покажет тебе – просто! – ушел от тупикового вопроса Епиход.

– Ладно, Ходя. Хорош болтать. Собирайся. Пойдем, проведем старушку! – предложил Манюськин.

По дороге он позвонил по телефону, указанному в объявлении, чтобы узнать адрес.

– Ну как? Порядок? – поинтересовался Епиход. – Как голосок?

– Да никак, – без особого энтузиазма ответил Манюсь-

кин. – Слышно было плохо.

Уже у дома незнакомки Епиход неожиданно известил друга, что идти вдвоем неудобно и просто глупо, приглашали-то ведь одного. Манюськин нехотя согласился с таким доводом, сказав, что вдвоем было бы, конечно, веселей. И Епиход отвалил.

Дверь была самая, что ни на есть, обыкновенная. «Может и не открыть...» – подумал Манюськин и решительно нажал кнопку звонка. Тот выдал длинную трель, потом наиграл какую-то мелодию и затих.

– Иду-спешу-лечу, – послышался напевный женский голос.

Манюськин внутренне собрался.

Дверь открылась, и он обомлел. Это была она! Большая белая женщина! Это она снилась ему еще в те далекие детские годы в деревне.

– Какие проблемы? – звучным низким голосом доброжелательно спросила женщина.

– По объявлению, недавно звонил, – с трудом выдавил из себя Манюськин, так как неожиданно перехватило горло, и, видя вопросительное выражение лица хозяйки, добавил: – Романтический малыш, мэм!

Откуда выплыло это «мэм», Манюськин объяснить бы не смог. Возможно, дала о себе знать недавно прочитанная «Хижина дяди Тома». Такое обращение насторожило женщину. Она испытующе посмотрела на Манюськина и прого-

ворила нараспев:

– А... романтичный малыш... Бонжур! И милости просим! А то кавказцы замучили, я и не поняла сразу. Проще, проще, любезный пан! Чувствуйте себя как дома!

Манюськин тщательно вытер ноги. После чего, не развязывая шнурки, сбросил ботинки.

– Бенедиктин? Или покрепче? – поинтересовалась хозяйка.

– Покрепче, – преодолевая смущение, выбрал гость.

«Бесаме, бесаме мучо...» – запела она, удаляясь на кухню. От создаваемого ею при движении ветра халат закручивался вокруг ног. И сзади она выглядела при этом еще более внушительно. В многочисленных клетках чирикали диковинные птицы. Стены были украшены коврами различных цветов и размеров. Зеркала, плюшевая мебель, легкий беспорядок, нижнее белье, небрежно брошенное на кресло – от всего этого невольно кружилась голова.

«А он славный... этот Манюськин... – с сожалением думала женщина, наливая в бокальчики напитки. – Я же не убивица какая-то, в самом деле. Ну поспит немного. И что? Ничего с ним не делается. Я просто выполняю приказ... Но уж будя, в последний раз!» – успокаивала она привычно себя. В один из бокальчиков уверенным движением насыпала порошок.

– Ну что? Не скучаем? – спросила она у Манюськина, вкатывая в комнату столик с угощением.

То, что женщине было далеко не двадцать три, совершенно не волновало Манюськина, а вот почему «интим не предлагать»? К этому вопросу он решил подойти по возможности деликатно.

– Миль пардон, мадам, – хрипло произнес он. – А что означает... э-э... для дружеских встреч? Хотелось бы все же уточнить. Ну чтобы не попасть ненароком впросак.

– О-о, какой вы, право! Сразу норовите быка за рога! Это особый разговор. Сначала выпьем за знакомство.

Выпили. У Манюськина все поплыло перед глазами. Икнув, он мягко свалился на пол. Соблазнительница зорко оглядела его фигурку и осталась довольна. Коврик нужен был небольшой. Это было приятно. Более всего подходил висящий над диваном. С изображением мертвого тореро. «Не для дружеских встреч, мой малыш! А для дружеских прощаний! – произнесла она, профессионально закатывая Манюськина в ковер, и уже тихо добавила: – А ведь совсем еще мальчик...» Неожиданно кто-то требовательно позвонил в дверь. Она задвинула запеленатого Манюськина под диван и пошла к дверям, напевая:

– Иду-спешу-лечу...

После бегства из Швеции у Епихода сильно развилась интуиция. И прямо от Манюськина он отправился звонить мне. Я сразу понял, что медлить нельзя и помчался к дому соблазнительницы, где меня уже поджидал Епиход. Быстро его проинструктировал.

Епиход позвонил в дверь. Я встал сбоку.

– Кто там? – спросила она.

– Мосгаз, – лаконично ответил Епиход.

– Ишь, клиент косяком повалил! – сказала удовлетворенно соблазнительница, открывая дверь.

На Епихода она тоже произвела сильнейшее впечатление. Он замер, открыв рот.

– Бесаме, беса... – замурлыкала она, увидев очередную мышку.

– Ме мучо! – закончил я музыкальную фразу, выходя из-за выступа стены. – Надеюсь, не помешал?

Воспользовавшись секундным замешательством хозяйки квартиры, втолкнул внутрь Епихода и зашел сам. Она мощно и недобро встала в проходе. Бороться со статуей богини победы было бы чистейшим безумием, она значительно превосходила нас по силовым характеристикам.

– Агент Мемучо! Вы подозреваетесь в краже секретного приложения к мирному договору из здания МИДа! Или вы немедленно возвращаете его, или обыск, понятые и, как водится, арест! – тоном, не терпящим возражений, произнес я.

– Генерал! Вы не понимаете, что делаете! – резко ответила она.

– Быстрей! Считаю до двух. Раз!

– Хорошо. Ваша взяла, – подумав мгновение, согласилась она, вынося папку с документами. – Но вы еще пожалеете об этом. Вы не представляете, на кого замахнулись?! Эти бу-

мажонки стоят миллиарды! Вам не сдобровать!

– Где Манюськин?

– Какой Манюськин? – сделала круглые глаза Мемучо.

Все было настолько искренне сыграно, что я подумал, а может быть, и не было никакого такого Манюськина.

– Обыкновенный, – обнаружив светлое пятно над диваном, добавил я: – Которого вы закатали в коврик!

– А... в коврик. Ну так бы сразу и сказали. А то, будто я знаю каких-то там разных-всяких Манюськиных! Приставал какой-то нахал, вот и пришлось. Ладно, забирайте своего дружка! Мне меньше хлопот!

Епиход вытащил Манюськина из-под дивана.

– Такая женщина и Сергей Иваныч? Непонятно... – что-то в ее облике не давало мне покоя.

– Увы! Он уже давно не по этой части. Тут вы, Шерлок Холмс, промахнулись!

– Так вы же племянница Сергей Иваныча! – внезапно осенило меня.

– Неплохо, – похвалила меня Мемучо. – Только одно уточнение – внучатая племянница. Впрочем, с Сергей Иванычем я завязываю. Хватит, попользовался! Пора и о личной жизни подумать! – сказала она многозначительно, приподняв одну бровь и поворачиваясь ко мне в профиль, чтобы я мог лучше оценить достоинства ее фигуры.

– Вот это разумно, – одобрил я ее намерения. – Учтите, я всегда к вашим услугам!

«Таких дам лучше не иметь среди врагов», – подумал я и взвалил себе на плечо Манюлькина.

– Французские духи – эмблема опасности! – многозначительно сказала на прощание Мемучо.

В этой фразе крылся пока непонятный мне смысл. Пошатываясь, я пошел к дверям. Епиход поддерживал сзади друга за ноги.

– А ковер? – Выскочила на лестницу встревоженная агентесса.

– С нарочным, – с трудом выдавил я.

В машине Манюлькин вскоре пришел в себя, ошалело закрутил головой и обеспокоенно спросил:

– Где она? Куда вы ее дели?

Потом немного успокоился и начал негромко мурлыкать: «Бесаме, бесаме мучо...»

Приглашение

Из почтового ящика я извлек продолговатый голубой конверт, сильно надушенный французскими духами. Там лежало отпечатанное на фирменном бланке официальное приглашение следующего содержания: «Многоуважаемый профессор, доктор, сэ! (Ненужное зачеркнуть), – подумав, я зачеркнул профессор, доктор, сэ, а сверху печатными буквами надписал: „генерал“. – Приглашаем Вас, действительного члена Британской и Шведской королевских академий и Парижского клуба, а также Вашего подручного мусье Манишкина принять участие в Международных Испытаниях фундаментальных законов природы. Проживание, полупансион, проезд железнодорожным транспортом до места назначения и постельное белье оплачиваются только действительным членам. Остальным участникам все, кроме постельного белья. Проезд до ст. метро „Тушинская“. Уважающий Вас член Исполкома Международных Испытаний, доктор Назе-пытин».

Все было ясно, как день. Затевалась последняя большая игра. Срочно вызвал Манюшкина и Епихода. Они не заставили себя ждать. Молча протянул Манюшкину приглашение. Он понюхал конверт и печально произнес:

– Ее...

«Видимо, крепко запала в душу...» – подумал я сочув-

ственно.

Затем, шевеля от напряжения губами, Манюсский прочел текст.

– Это кто же, интересно, подручный мусье Манишкин? Не ясно. – Сморщил он в недоумении лоб и вдруг до него дошел смысл этого издевательского приглашения. – Манишкин?! – побелев, заорал он. – Без постельного белья?! Ну, держись, гады!

Он стремглав бросился к дверям.

– Куда? Назад! Отставить! – еле успел крикнуть я.

– За патронами! Надо проучить этих... эту нечисть!

Успокоив немного Манюсского, я вкратце обрисовал им ситуацию, сказав:

– Дело сугубо добровольное. Вы как?

– Мы – да! – без промедления ответили хором Манюсский и Епиход.

– Тогда готовьтесь!

Накануне

Епишка зашел к Манюськину. Перед серьезным делом хотелось поговорить, вспомнить прошлое – тревожное, полное опасностей, но такое интересное время. Опрокинули по сто-парику.

– Помнишь, как уходили, отстреливаясь? – спросил с воодушевлением Манюськин. – Ну и времечко было!

Епиход вяло кивнул головой. Ему вспомнился чудовищный смрад канализационного подземелья, и как они по уши перепачкались в дерьме. Так что потом неделю от них все шарахались. «И на кой хрен мне все это нужно?» – подумал он, и ему нестерпимо захотелось обратно на пароход, к ребятам. Бросаешь себе в топку уголек да бросаешь. И никаких тебе забот и волнений. Он с трудом отогнал эти малодушные мысли. Хорошо, что хоть Семеныч их не слышит.

Манюськин достал стопку фотографий, разложил их на столе.

– Узнаешь? – поинтересовался он, указывая на одну из фотографий. – Это, понятно, я, а это кто?

Епиход не узнавал:

– Нет, не пойму... Рожа-то вроде знакомая... Из наших кто?

– Рожа! – передразнил его Манюськин. – Ну Епиход, ты даешь! Нет слов! Ты чего? Это же король Густав! Не помню

только его номера. То ли седьмой, то ли восьмой? Ладно, неважно. У него дома сидим, в резиденции, выпиваем!

– А шефа нашего турнули, – Епишке захотелось сбить Манюшкина с благостного настроения.

– Да знаю я, знаю! – Манюшкин встал и изо всех сил треснул молоточком по наковаленке. – Это тебе, дорогой Сергей Иваныч, за шефа! За нашего генерала!

– Как он? – поинтересовался Епишка и потыкал пальцем в ушную стенку, завешанную для уюта цветастыми рушниками.

– Сергей Иваныч? А никак. Сам виноват. Привык, гад, порядочных людей подставлять. Я, Епиход, скоро съезжать отсюда буду, мои уже достали. Какого хрена, говорят, здесь мучаемся? Ты его уже проучил? Проучил! А у нас жизнь проходит. Каждый день долбят. И они, ты знаешь, в чем-то правы. Правда, не пойму, в чем, но правы. Ну да, ладно. Надо идти на эти... – Манюшкин задумался. – Как их, черт? Со всем из памяти выскочило. А, вспомнил! На компромиссы! Деньги на домик у меня теперь есть, ну а к Сергей Иванычу буду наведываться. Чтоб не забывал!.. Бизнесом займусь! – размечтался он – Пчел буду держать. Эх, и выгодное это дело, Ходя! Ты не представляешь! Хотя чего я тебе объясняю? Ты же знаешь, я ведь этим уже занимался, еще в те, застойные времена.

Епишка вспомнил, что у Манюшкина действительно была в свое время пчела, причем одна, еле живая, и держал он ее

в спичечном коробке.

– Помню, Манюша, твою дохлую пчелку, – не удержался Епиход от подковырки, хотя это он был в гостях у Манюськина, а не тот у него.

– Не надо завидовать, Епиход! Ты тоже сможешь содержать пчел, если конечно захочешь. Я тебе, если надо, помогу, можешь не сомневаться.

– А шефа нашего турнули, – снова завел свою песню Епихода.

Никак не удавалось ему сбить друга с оптимистической волны.

– Ну, ты... и зануда! Ну, турнули! Я что ли виноват?! Из-за тебя, зануды, так и получилось! Кто тебя просил бежать звонить? Неужели я бы с бабой не управился? – наконец взорвался Манюськин.

– Аккуратно она тебя в коврик запаковала. Технично! – парировал Епиход.

– Да я уже очухался, и выбираться стал потихонечку, как вы подвалили!

– Кормил бы ты где-нибудь рыб, Манюша! Или замуровали бы тебя в бетонный блок какой-нибудь новостройки. Скажи лучше спасибо боевым товарищам.

Манюськин не любил признавать поражения и сделал вид, что не слышит Епиходовых слов.

– Шеф – мужик с головой. Не пропадет! – Он поставил фотографию на полку.

– А это что? – удивился Епишка.

Рядом на полке аккуратно, на небольшой вышитой салфетке лежали две большие гайки.

– Это, корешок, память! О том, как мы с генералом проверяли этот... как его?.. Дискриминант!

– Ну и как?

– А никак! Обнаружили ошибку, и все дела!

Подарок ветерана

В коридоре послышался стук о пол резинового наконечника клюшки Берданкина.

– Паразиты! Наделали! Сколько людей угробили?! Мощно один чудак пишет! Федора уже выгнали! А теперь и другие думают, куда тикать! Дело – труба! Это давно известно! – бушевал он.

Дверь в комнату распахнулась. Мог бы и постучать! Не к Прокопичу небось, к генералу пожаловал. Простота! Ведь даже в голову не придет! Мне было не до посетителей. Надо было продумать план завтрашней операции, еще не все было до конца ясно.

– Слушай! Ты это... Тьфу, черт! Опять забыл! – огорчился ветеран и строго посмотрел мне в глаза, требуя подсказки.

– Перхоть? – предположил я, памятуя, как он недавно костерил рекламу шампуня от перхоти.

– Перхоть?.. – задумался он. – При чем тут перхоть?! – раздражился он моей непонятливости. – А-а... – Лицо, выражавшее напряжение, неожиданно счастливо разгладилось, нужное всплыло. – У тебя завтра тяжелый день! – произнес он торжественно и немного печально. – Стропы парашюта подрезаны! Запасного тоже! Поэтому рухнешь камнем вниз, как пить дать!

– Откуда вы знаете? – неподдельно удивился я, так как сам

получил эти сведения только минуту назад.

– Это, голубочек, всем известно, окромя тебя! – участливо покачал головой ветеран. – Я бы и сам пошел или вместе бы пошли, но рука и нога не действуют. Хужей нет, когда хочешь, а не можешь! Да тебе не понять... пока! Вот принес тебе форму! – Увидев мое недоумение, истолковал его по-своему: – Не думай! Чистейшая! Всю Цусиму в ней отстоял! А потом только раз во Вторую надевал. Отглажена, полный порядок! Китель и брюки. Жаль, бескозырку моль поела. Так жаль, что... не могу и сказать! – заплакал он, но быстро взял себя в руки, положил сверток на стол и приказал: – Примерь!

Обижать старика было нельзя. Порыв был от всей души, и меня даже слегка растрогал. Я быстро переоделся.

– Ну в точности, как я в молодости! – восхитился Берданки и похлопал меня по спине. – Дай-ка разглажу, а то сзади малость морщит. Завтра обязательно будь в ней! А я тебя потом с Прокопичем помяну. Не сомневайся! Мы порядок знаем. Уже припасли. Если только Прокопич не найдет, – опять озаботился старик. – Я, правда, хорошо спрятал. А куда? – Он снова требовательно на меня посмотрел.

– Может, в туалет? – брякнул я первое попавшееся.

Он посмотрел на меня, как на больного. Но, памятуя о завтрашнем, сдержался.

– Ладно. Носи! В нас не сомневайся! В случае чего, еще возьмем. Это сейчас не проблема. Были бы купи-продай! – Он обнял меня и, постукивая палкой, вышел в коридор.

Люди обо мне заботятся. На душе стало как-то теплее.

Петля Нестерова

Иду по огромному зеленому полю. Мягко пружинит молодая травка. Переполненные трибуны для зрителей то приветственно взрываются аплодисментами и свистом, то, как бы в испуге, замирают. Сзади, чуть приотстав, пыхтит Носопытин. Несет парашюты. Основной и запасной.

Правительственная трибуна заполнена до отказа. Вижу знакомые лица исполнительной и законодательной властей, а также судебной. Рядом их жены, дети, внуки и правнуки. Чуть ниже – трибуны работников МИДа, министерства обороны, дипкорпуса, деятелей культуры, промышленно-финансового бизнеса, организованной преступности. Всех не перечесть. Яблоку негде упасть! Хозяин со своими отдельно, в ложе. Сергей Иваныч чуть сзади... Ба! И Прокочич по левую руку! Видимо, решил уважить, по-соседски. Лишь одно свободное местечко, видимо, для Носопытина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.